

2-я СРБ ✓

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ТРИЦАТЬ ПЯТЫЙ

КНИГА XII

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ

1914

На Окъ—передъ войной.

1.

Когда колыхаетъ хвою
И звѣзды вѣтерокъ,
И въ даляхъ, за рѣкою,
Мерцаетъ огонекъ,—
Не вѣрь Земли покою,
Лови живой потокъ,

Струящійся у корней
И въ лиственной глуши,
Журчащій непокорный
У ногъ твоей души,
Дробящійся узорный
О звѣзды—голыши

На отмели той суши,
Гдѣ ткетъ царица Смерть
Покровы, смерти глуше,
Прозрачнѣе, чѣмъ твердь...
Отдать родныя души
Ее умилосердь!

Владычица ихъ свѣтъ,
Какъ пригоршни колець,
Надъ взморіемъ, гдѣ рѣветъ
Тоска земныхъ сердець,—
Межъ тѣмъ какъ Ночь нѣмѣетъ,
Колеситъ свой вѣнецъ.

Гляди: звѣзда скатилась
Слѣпительно къ рѣкѣ...
О чемъ душа смутилась,
Въ надеждѣ и тоскѣ?...
Чья нить прозолотилась
На ткацкомъ челнокѣ?...

2.

Злакъ высохъ. Молкнулъ громъ желанный.
 Клубился прахъ береговой—
 И круто падалъ. За рѣкой
 Звучалъ порой—бой барабанный.

Какъ ястребъ въ небѣ, рѣялъ Рокъ.
 Грозою задыхались дубы,
 Въ глухія запахнувшись шубы.
 И ждали мы: насталъ ли срокъ?...
 А за рѣкой трубили трубы.

16 июля.

3.

Темнѣло. Мимо шли. Приваломъ
 Остановились надъ Окой,
 Подъ нашимъ паркомъ, древнимъ валомъ,
 Что Дмитрий городилъ Донской.

Сложили ружья; пѣсни пѣли.
 Мерцали плёсы. Мрѣла мгла;
 И люди въ ней землисто мрѣли,
 И скрежетали удила.

Сверкнули вдоль дубовъ крайныхъ
 Костры. Сталъ гомонъ, смѣхъ дружнѣй,—
 И въ ихъ зрачкахъ необычайныхъ
 Жаръ лихорадочный темнѣй.

Война-ль? Не вѣдали. Гадали,
 И лихо вызывали бой...
 А по рѣкѣ, изъ свѣтлой дали,
 Плылъ звонъ—торжественной Судьбой,—

Не слышный имъ... И покрывала
 Въ намекахъ звѣздныхъ шевеля,
 Могилою благословляла
 Сыновъ излюбленныхъ Земля.

18 июля.

Вячеславъ Ивановъ.

БЕЗЛИКОЕ.

Повѣсть.

Въ тяжелой ковровой шали она всегда сидѣла у окна. Напротивъ видѣлась булочная Доброхотова, бакалейная братьевъ Зайцевыхъ, наискось торговалъ желѣзомъ скопецъ Миляевъ. И за обѣдомъ, когда собиралась вся семья, Пелагея Ивановна скажетъ, бывало, ни къ кому не обращаясь, а такъ, точно думаетъ вслухъ:

— Ну и неряха же эта Доброхотова, фартуки у пекарей-то, что твое голенище.

А потомъ, помолчавъ, опять о своемъ думаетъ вслухъ:

— Старикъ-то Миляевъ опять мальчонка по головѣ саданулъ замкомъ. И откуда сила берется, удивительно! Не разберешь, не найдешь, гдѣ и лицо-то у него,—сморчокъ сущій, а мальчонка, дня не пройдетъ, чтобы не окровавилъ.

На минуту за столомъ всѣ притихнуть, молча глазами перемѣиваясь, а Семень, старшій сынъ Пелагеи Ивановны, какъ захохочетъ,—нальется красная съ складками шея.

— Ну, мамашенька, форменный вы у насъ министръ иностранныхъ дѣлъ, все-то видите, ничего не упустите изъ своего окошечка. Хорошо, что внутренними дѣлами не занимаетесь, мамашенька, а-то бѣда бы намъ была,—хитро подмигиваетъ онъ младшему брату Ильѣ.

Утромъ сегодня въ кирпичномъ сараѣ на городскомъ выгонѣ за кладбищемъ нашли кружевницу Сашу; повѣсилась въ ночь, видно,—къ гудку утреннему заводскому ужъ посинѣла, страшная.

И весь день не въ духѣ Ильѣ, злится, кусаетъ румяныя губы. Кирпичнымъ заводомъ первый годъ онъ завѣдуетъ.

— Что присталь?—сердито оборвалъ онъ брата.

Но Семень спряталъ свои масляные глазки, вкусно перчить золотисто-розовую семгу, протягиваетъ ему граенный хрустальный графинчикъ съ рябиновой настойкой:

смотря через очки на топчущуюся въ углу кучку народа перешептывающуюся. Приходить изъ старой своей дѣтской дядя Сеня, разбуженный непривычной суетой въ домѣ. Не обращаетъ онъ вниманія на столь бѣлый, послѣ комнаты своей темной огнямъ радуется, тушитъ и зажигаетъ то одну, то другую свѣчку на высокомъ подсвѣчникѣ, смѣется, довольный, на всю комнату. Недовольно оглядывается на него Марьямна: непорядокъ смѣяться, хоть и безумному, у гроба. Даетъ ему она свѣчку зажженную въ руки, уводитъ изъ залы. Глазъ не сводитъ дядя Сеня съ огонька синяго, обрадованный, послушно идетъ за Марьямною въ старую дѣтскую.

А. Бутягина.

ИСТИННЫЙ ОТВѢТЪ.

„Ты умрешь, и большаго не требуй!
Благъ законъ всевидящей Судьбы!“
Такъ поютъ, вадымая руки къ небу,
Бога Вишну хмурые рабы.
Подъ кумиромъ тяжкимъ гнутся зебу,
Выпрямяя твердые горбы.

„Ты живешь, и большаго не надо!
Выспій даръ Судьбой всезрящей дань!“
Восклицаеть буйная менада,
Подымая высоко тимпанъ.
Въ роцѣ лавровъ—тихая прохлада,
Мраморъ Вакха—солнцемъ осіянь.

„Жизнь отдать за Вѣчный Римъ, въ которомъ
Капля ты,—будь этой долъ радъ!“
Такъ ораторъ, съ непреклоннымъ взоромъ,
Говоритъ подъ сводами аркадъ.
Солнце щедро льетъ лучи на форумъ,
Тоги бѣлыя въ лучахъ горять.

„Эта жизнь—лишь краткій призракъ сонный!
Человѣкъ! жизнь истинная—тамъ!“
Въ черной рясѣ, инокъ изможденный
Вопіетъ мятущимся вѣкамъ.
Строги въ высь ушедшія колонны,
Сумраченъ и безпощаденъ храмъ.

„Единенье атомовъ случайныхъ—
Наша жизнь; смерть—распаденье ихъ.“
Разсуждаетъ, фракъ надѣвъ, о тайнахъ

Чортъ въ кругу учениковъ своихъ.
 За окномъ напѣвъ звонокъ трамвайныхъ,
 Гулъ безсвязный шумовъ городскихъ.

Жрецъ на зебу, пьяная вакханка,
 Римскій риторъ, пламенный аскетъ,
 Хитрый чортъ, съ профессорской осанкой,—
 Кто-жь изъ нихъ дастъ истинный отвѣтъ?
 Ахъ, не ты-ль, съ прозрачнымъ ядомъ склянка?
 Ахъ, не ты-ль, отточенный стилетъ?

Валерій Брюсовъ.

ЖЮЛИ ДЕ ЛЕСПИНАССЪ. ¹⁾

Маркиза де Сегюръ.

Marquis de Ségur. Julie de Lespinasse. Paris. Calman Lévy.

XIII.

Попатнувшееся здоровье г-жи де Леспинассъ. — Тайственное исчезновение Гибера. — Возмущение Жюли и первая угроза разрывомъ. — Тайная встрѣча Гибера съ г-жей де Монсожъ. — Яростная ревность Жюли по поводу этого открытія. — Попытки Гибера выступить на литературномъ поприщѣ. — Представленіе *Комнетабля*. — Проектъ женитьбы Гибера. — Неожиданное признаніе Гибера. — Потрясеніе Жюли. — Отъѣздъ Гибера. — Разбитое кольцо.

Весь годъ послѣ смерти Мора былъ для Жюли де Леспинассъ годомъ тревогъ и бурь. Постигшій ее ударъ поколебалъ ея delicate организмъ; ея хрупкое тѣло терзали самыя ужасныя страданія, головокруженія, мигрени, вѣчныя бессонницы, которыя не всегда поддавались даже сильнѣйшимъ дозамъ она, нервныя спазмы и „конвульсіи“, дѣлавшія ее почти „мертвой“. Это болѣзненное состояніе служило причиной и извиненіемъ перемѣнчивости ея душевнаго настроенія, которымъ она теперь уже не владѣла. Никогда не была она настолько подозрительной и раздражительной. Все ее задѣваетъ, оскорбляетъ и вызываетъ въ ней недовѣріе; ея вѣчно живая ревность подозрѣваетъ всѣ поступки, слова и даже молчаніе Гибера; малѣйшій поводъ вызываетъ различныя обвиненія, упреки, гнѣвныя сцены и слезы, за которыми непосредственно слѣдуютъ выраженія нѣжности и страстныя изліянія: „Всѣ эти противорѣчія, всѣ эти противоположныя движенія одинаково искренни и всѣ они объясняются этими словами: *я васъ люблю*“. Эта вырвавшаяся у нея фраза въ точности характеризуетъ этотъ періодъ ея жизни.

Надо однако признать, что не всѣ жалобы Жюли были неспра-

¹⁾ Окончаніе. См. *Русская Мысль*, 1914 г., кн. VII, VIII—IX, X и XI.

душное къ „метафизикѣ“, а довольно опредѣленно окрашенное міровоззрѣніе. Когда онъ касается страшнаго для Тургенева вопроса о судьбѣ, онъ очень недвусмысленно этотъ вопросъ рѣшаетъ: „Неужели наука напрасно доказала, что случайности или судьбы не существуютъ... Что всѣ возможныя случайности повинуются общимъ, неизмѣннымъ законамъ, которые слѣдуетъ изучить“. Итакъ, сознание Одоевского вступило въ третій фазисъ—фазисъ позитивный. Сначала духъ его рвался въ непознаваемое, въ „область райскихъ селеній“, потомъ убѣдился, что лучше и удобнѣе разграничить познаваемое отъ непознаваемаго; теперь оказывается, что все познаваемо, все, даже самое таинственное въ мірѣ разлагается на подвластные разуму законы.

Люциферъ одержалъ самую блистательную побѣду: въ его власти оказался не только весь міръ, но и тотъ, кто обличалъ его господство—самъ Одоевскій.

Одоевскій долженъ быть намъ дорогъ, потому что въ тупой и самодовольной толпѣ онъ одинъ изъ немногихъ звалъ къ мечтѣ. Онъ долженъ былъ страдать, потому что мечта его была оторвана отъ жизни; онъ долженъ былъ презирать человѣка, потому что мечта его не была божественной. Но отъ такой мечты легко и отречься, и чѣмъ ближе къ старости, тѣмъ больше она блекла, и скоро, какъ единственная реальность, остался этотъ міръ, лишенный тайны и Бога.

Василій Гиппіусъ.

Польско-еврейскія отношенія. ¹⁾

I. Голосъ поляка.

Евреи живутъ въ Польшѣ около восьми столѣтій; они скопляются и всегда скоплялись въ этой странѣ въ большемъ количествѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, Польша обращалась съ ними всегда мягче и гуманнѣе, чѣмъ другія страны,—уже одинъ этотъ фактъ служить достаточнымъ залогомъ того, что въ будущей Польшѣ евреи не могутъ занять другого положенія, чѣмъ положеніе полноправныхъ гражданъ.

Однако нѣтъ сомнѣнія, что въ силу исторически сложившихся условій еврейскій вопросъ въ Польшѣ имѣетъ свои особенности какъ въ національномъ, такъ и въ социальномъ отношеніи, которыя его осложняютъ. Евреи въ Польшѣ являются не только особымъ элементомъ религіознымъ, какъ это бываетъ въ другихъ странахъ: они являются также особымъ элементомъ национальнымъ и социальнымъ. Они говорятъ по большей части на такъ называемомъ „жаргонѣ“, который является нѣмецкимъ диалектомъ, а равно посвящаютъ себя почти исключительно торговлѣ и мелкой промышленности, принадлежа такимъ образомъ почти исключительно къ мелкой буржуазіи. Итакъ, еврейская религіозная группа въ Польшѣ является вмѣстѣ съ тѣмъ мелкобуржуазнымъ классомъ,

---

¹⁾ Настоящія статьи предлагаются какъ матеріалъ для сужденія о польско-еврейскихъ отношеніяхъ, значеніе которыхъ весьма ярко обнаружилось даже во время войны. Редакція русскаго журнала не можетъ отождествить себя ни съ одной изъ сторонъ въ этомъ сложномъ національномъ спорѣ. Для насъ ясно однако, что практическія трудности вопроса—помимо общихъ культурно-историческихъ основъ антисемитизма—лежатъ въ пробужденіи специфическаго національнаго сознанія у всѣхъ русскихъ евреевъ (и въ томъ числѣ у тѣхъ, которые живутъ въ Царствѣ Польскомъ) и въ томъ особомъ положеніи, которое польское еврейство занимаетъ между двумя национальными стихіями: русскою и польскою. Поляки, очевидно, не желаютъ, чтобы въ Царствѣ Польскомъ на равныхъ правахъ съ ними существовала другая мѣстная непольская национальная стихія, стихія, въ которой къ тому же, при всей ея національной особности, въ массѣ свѣтвенно обозначается большее тяготѣніе къ русскому культурѣ, чѣмъ къ польскою. Таковъ национально-политическій смыслъ польскаго антисемитизма. Ред.

который говоритъ на своемъ языкѣ. Эта странная и единственная въ своемъ родѣ религиозно-социально-национальная формація становится понятной лишь въ свѣтѣ исторіи, на которую я позволю себѣ бросить бѣглый взглядъ.

Евреи прибываютъ въ Польшу въ XII вѣкѣ, въ XIV вѣкѣ мы ихъ встрѣчаемъ уже какъ видный торговый и банкирскій классъ, охраняемый королевскою властью (Казиміръ Великій) и вполне ополяченный какъ по языку, такъ даже и по нравамъ.

Въ XV и XVI вѣкахъ вслѣдствие происходящихъ въ Германіи на религиозной почвѣ еврейскихъ погромовъ въ Польшу прибываетъ новая многолюдная волна евреевъ, изгнанныхъ изъ Германіи и говорящихъ на нѣмецкомъ языкѣ (прирейнскій диалектъ). Первоначально Польша желаетъ, чтобы часть этой волны пошла дальше на востокъ, и поэтому требуетъ отъ Повгорода и отъ Москвы, чтобы они принимали къ себѣ евреевъ. Однако, встрѣтивъ отказъ (Казиміръ Ягелончикъ), она мирится съ новымъ населеніемъ и оставляетъ его у себя.

Евреи, изгнанные изъ Германіи, вскорѣ сливаются съ прежде прибывшими евреями; пришельцы однако навязываютъ старожиламъ нѣмецкій языкъ. Такъ зародился нынѣшній жаргонъ.

Въ XVI вѣкѣ въ Польшѣ королевская власть начинаетъ падать, и господствующимъ элементомъ являются вельможи, такъ называемые магнаты; вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ окончательное порабощеніе крестьянъ и сильное ограниченіе польской ремесленной и торговой буржуазіи. Въ тѣхъ условіяхъ евреи становятся торговымъ и банкирскимъ классомъ, необходимымъ и даже до известной степени охраняемымъ властью магнатовъ и шляхты. Дѣло въ томъ, что польская буржуазія имѣла политическія претензіи, подвергала критикѣ господство шляхты, между тѣмъ какъ еврейская буржуазія никакихъ политическихъ претензій не предъявляла, готова была всегда и за все платить, лишь бы никто не вмѣшивался въ ея внутреннюю, интимную жизнь. Господствующей шляхтѣ соответствовала такая постановка дѣла: она была въ долгахъ у евреевъ, продавала и покупала все у нихъ, долговъ не платила, но зато предоставила евреямъ право продавать водку крестьянамъ и перестала вмѣшиваться во внутреннюю жизнь еврейства. На почвѣ этой своеобразной „культурной автономіи“ среди евреевъ власть раввиновъ становится очень сильной, а какъ противовѣсъ ей появляется секта „ревнивыхъ“ (хассидовъ), которые начинаютъ повиноваться такъ называемымъ „дадикамъ“, т.-е. пророкамъ, получавшимъ вдохновеніе прямо отъ Іеговы. Изученіе священныхъ книгъ становится среди евреевъ обязательнымъ, и уже въ XVII вѣкѣ образуется то странное еврейское религиозное училище „хэдэръ“ со своимъ учителемъ „меламедомъ“, въ которомъ дѣти съ 5 до 15 года жизни изучаютъ наизусть десять ча-

совъ въ сутки Тору, Гемару, Мишну, Талмудъ, Шульганъ-Арухъ и другія священныя книги. Хэдэръ въ такой же формѣ существуетъ до сихъ поръ въ Царствѣ Польскомъ и въ Галици, какъ равно до сихъ поръ власть раввиновъ и падиговъ въ русской и австрійской Польшѣ несравнимо сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Основной фонъ психологии польскаго еврейства сложился такимъ образомъ въ XVII вѣкѣ, и практически онъ выражается въ чувствѣ полного презрѣнія къ физическому труду, а также въ чувствѣ страшной національной и религиозной гордости.

Люди, вызвавшіе то великое освободительное движеніе, которое закончилось конституціей 3 мая 1791 г., отлично понимали, что въ такомъ положеніи нельзя оставить евреевъ, что надо имъ дать всѣ права гражданъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ надо возложить на нихъ всѣ обязанности гражданъ. Однимъ словомъ, уже тогда, въ сочиненіяхъ Чацкого и Колонтая, намѣчена программа „ассимиляціи“, которую въ послѣдствіи польское общество осуществляетъ всякій разъ, когда оно управляетъ своими судьбами. Евреи идутъ навстрѣчу этимъ начинаніямъ, и уже во второй половинѣ XVIII вѣка появляется еврейская секта франкистовъ, которая противопоставляется аристократическому консерватизму евреевъ-раввинитовъ и демагогическому консерватизму евреевъ-хасидовъ.

Эпоха герцогства Варшавскаго (1807—1815 гг.), а затѣмъ автономнаго Царства Польскаго (1815—1830 гг.) послѣдовательно проводятъ программу ассимиляціи, и хотя еврейскія массы мало мѣняются, но всѣ культурные, прогрессивные элементы еврейства отходятъ отъ этихъ массъ и сблжаются съ польскимъ обществомъ въ качествѣ „поляковъ Моисеева закона“.

Послѣ 1830 г. польское общество теряетъ власть надъ собой, и фанатически-религиозные элементы опять берутъ верхъ въ еврейской средѣ.

Однако короткое правительство Велепольскаго (1861—1863 гг.) чрезвычайно много сдѣлало по отношенію къ еврейскому вопросу. Съ одной стороны, за евреями было признано полное личное и гражданское полноправіе, съ другой—была учреждена „школа раввиновъ“, въ которой будущіе руководители евреевъ получали свѣтское образованіе на польскомъ языкѣ.

Школа раввиновъ недолго существовала, но изъ нея вышелъ цѣлый рядъ дѣятелей, благодаря которымъ ассимиляція не перестала развиваться за весь мрачный періодъ 1864—1905 гг.

За все это время еврейское общество слагалось изъ трехъ группъ: „ассимиляторовъ“, т.-е. ополяченныхъ культурныхъ евреевъ, которые руководили и по возможности просвѣщали остальныхъ; „раввинитовъ“, болѣе или менѣе поддающихся просвѣтительному и ополячивающему влия-

нию первых, и, наконец, „хасидовъ“, фанатично-религіозныхъ и крайне враждебныхъ ко всякому „нечистому“, т.-е. свѣтскому образованію, а равно ко всякому „нечистому“, т.-е. ручному, труду. Правительство закрыло школу раввиновъ, но оно не коснулось „хэдэра“, который становится все болѣе консервативнымъ по мѣрѣ того, какъ поколѣніе раввиновъ изъ школы раввиновъ вымираетъ.

Во всякомъ случаѣ въ эту эпоху польскому обществу кажется, что ассимиляція идетъ успѣшно, антисемитизмъ проповѣдуется лишь однимъ еженедѣльнымъ журналомъ *Роля* (*Rola*), который не имѣетъ никакого вліянія. Въ 1905 г. о евреяхъ вовсе не говорится; всѣ проекты политическаго переустройства Польши отъ самыхъ правыхъ къ самымъ лѣвымъ сходятся въ вопросѣ политическаго и гражданскаго полноправія евреевъ, а равно попытки организовать въ Варшавѣ, въ Лодзи и въ провинціи погромы, попытки, затѣяныя русскими черносотенцами, терпятъ неудачу благодаря единодушному и энергичному отпору всѣхъ безъ исключенія классовъ польскаго общества.

Послѣ 1905 г. въ Польшу прибыла новая волна евреевъ, выходцевъ изъ Россіи и говорящихъ на русскомъ языкѣ. Первоначально эти евреи желаютъ навязать своимъ соотечественникамъ русскій языкъ, но это имъ не удается. Россія слишкомъ далеко и русскій, языкъ слишкомъ мало распространенъ въ странѣ. Тогда они берутся за жаргонъ и создаютъ жаргонную прессу и жаргонный театръ. Жаргонныя газеты получаютъ сразу широкое распространеніе, такъ какъ каждый еврей выучился въ хэдэрѣ еврейской азбукѣ, которая принята въ жаргонѣ. Въ газетахъ этихъ проповѣдуется новая идеологія еврейскаго націонализма. Несмотря на разныя болѣе правые и лѣвые отгѣнки, въ сущности эта идеологія составляетъ одно цѣлое. Самыми видными представителями ея являются еврейскій націоналистъ Жаботинскій и еврейскій національ-соціалистъ Гроссеръ. Жаботинскій создалъ теорію такъ называемой „компенсаціи національныхъ эгоизмовъ“. Вотъ въ чемъ состоитъ эта теорія. Русскіе преслѣдуютъ евреевъ въ Россіи, что правильно, такъ какъ русскіе—сильный элементъ, а евреи—слабый. Русскіе вытѣсняютъ евреевъ въ Польшу, гдѣ евреи должны исполнять роль обрусителей страны, взаменъ чего русскіе должны обезпечить за евреями въ Польшѣ привилегированное по отношенію къ польскому населенію положеніе. Гроссеръ является создателемъ исторіи „Іудео-Польши“. Въ Польшѣ живутъ-де двѣ національности: польская и еврейская, существуютъ два языка: польскій и ново-еврейскій (т.-е. жаргонъ), вслѣдствіе этого въ свободной Польшѣ недостаточно признать за евреями личныя, гражданскія и политическія права, надо еще обезпечить права еврейской національности, какъ въ Бельгіи, на примѣръ, обезпечены права валлоновъ и фламандцевъ.

Ассимиляторы встрѣтили эти теории съ негодованіемъ, но это негодование нашло себѣ довольно слабое отраженіе въ еврейскихъ массахъ, главнымъ образомъ потому, что ассимиляторы ни за что не хотѣли бороться съ жаргономъ на жаргонѣ, т.-е. на единственномъ языкѣ, на которомъ еврейская масса можетъ читать. Затѣмъ ассимиляторы ни за что не хотѣли потерять первенствующаго положенія въ еврейскихъ религиозныхъ общинахъ, а такъ какъ націонализмъ распространялся главнымъ образомъ среди евреевъ-раввинитовъ, то они должны были войти въ союзъ съ хассидами. Все это, конечно, повело ассимиляторовъ къ крайнему оппортунизму, и исходящая отъ нихъ критика еврейскаго націонализма, какъ и критика еврейскаго религиознаго фанатизма, стала звучать все слабѣе и слабѣе. Тогда польскіе прогрессивные элементы, съ Свентоховскимъ во главѣ, видя, что культурная и просвѣтительная дѣятельность ассимиляторовъ смѣняется какимъ-то преклоненіемъ передъ еврейскимъ націонализмомъ и фанатизмомъ, прервали свои отношенія съ ассимиляторами.

Въ это время, когда среди еврейскаго населенія, благодаря почину евреевъ, ушедшихъ изъ Россіи, развивалось націоналистическое и клерикальное направленіе, въ польскомъ обществѣ происходили глубокія органическія перемѣны. Прежде всего стало сильно развиваться кооперативное движеніе во всѣхъ его формахъ, нанося сильный вредъ интересамъ евреевъ. Кредитные кооперативы подрывали мелкихъ банкировъ и ростовщиковъ, сельскохозяйственныя общества — мелкихъ купцовъ хлѣба и скота, молочная кооперация упразднила „пахцяржей“ (арендаторовъ молока въ барскихъ помѣстьяхъ), потребительная кооперация тѣснила мелкихъ лавочниковъ, а оптовый кооперативный магазинъ сталъ соперничать съ оптовой частной торговлей, всецѣло находившійся въ еврейскихъ рукахъ.

Далѣе число частныхъ польскихъ магазиновъ стало возрастать, какъ равно былъ учрежденъ первый частный оптовый польскій магазинъ. Естественно, что польскій торговый классъ сталъ выдвигать еврейскій націонализмъ какъ рекламу, какъ доказательство, что польская публика должна по патриотическимъ мотивамъ покупать только въ польскихъ лавкахъ. Эта агитация въ пользу націонализации торговли была довольно успѣшна.

Однимъ словомъ, еврейскій націонализмъ встрѣтилъ довольно слабый культурный отпоръ со стороны ассимиляторовъ, но онъ столкнулся съ довольно сильнымъ экономическимъ отпоромъ со стороны самого польскаго населенія.

Этотъ отпоръ въ послѣдній годъ передъ войной заставилъ, наконецъ, евреевъ нѣсколько критически посмотреть на себя и опять далъ нѣко-

торый перевѣсъ молодой фракці ассимиляторовъ, гласящей, что ассимиляцію надо начать сначала, а именно отъ „ассимиляціи труда“.

Дѣло въ томъ, что лишенные средствъ существованія еврейскіе мелкіе торговцы стали массами переходить въ ряды домашнихъ промышленниковъ. На фабрики, конечно, они поступать не могли, потому что хасидъ не можетъ работать въ субботу, а ни одна фабрика не захочетъ праздновать для евреевъ въ субботу и для христіанъ—въ воскресенье. Домашній трудъ, какъ извѣстно, очень плохо оплачивается. Началась пропаганда за непразднованіе субботы, нѣкоторое количество евреевъ поступило на фабрики, была учреждена ассимиляторами школа профессиональнаго и ремесленнаго труда, жаргонныя газеты стали относиться съ меньшимъ презрѣніемъ къ польскому языку и ко всему вообще польскому, еврейскіе магазины стали принимать видъ, похожій на польскіе (польскія вывѣски, евроевскій костюмъ и польская рѣчь продавцовъ и т. д.),—однимъ словомъ, началась какая-то новая ассимиляція не изъ любви, а изъ нужды.

Конечно, война со всѣми ея страшными бѣдствіями пока заставила всѣхъ позабыть о еврейскомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что у невѣдомаго конца этой войны сіяетъ заря свободной Польши. Евреи тоже, повидимому, позабыли о „компенсаціи національныхъ эгоизмовъ“ и о „Іудео-Польшѣ“. Пока не слышно ни о какихъ претензіяхъ „ново-еврейскаго“ языка. Война, затягиваясь, тѣмъ болѣе будетъ относить въ область исторіи эпоху польско-еврейскихъ отношеній съ 1905 по 1914 годъ.

Новая свободная Польша встанетъ сразу на путь, намѣченный великими реформаторами конца XVIII вѣка: она признаетъ за евреями всю полноту личныхъ, гражданскихъ и политическихъ правъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ наложитъ и на нихъ всѣ гражданскія обязанности, среди которыхъ посѣщеніе общихъ, одинаковыхъ для дѣтей всѣхъ вѣроисповѣданій начальныхъ училищъ будетъ первою. Пресловутый „хэдэръ“ отжилъ свой вѣкъ и долженъ быть сданъ въ архивъ, а жаргонъ не можетъ быть орудіемъ серьезнаго образованія и европейской цивилизаціи, тѣмъ болѣе, что жаргонъ въ послѣднее время—особенно въ западной Польшѣ—такъ сблизился съ нѣмецкимъ языкомъ, что отличается отъ него чуть ли не однимъ только прифтомъ. Никто не можетъ требовать, чтобы свободная Польша занималась искусственнымъ онѣмеченіемъ своихъ евреевъ, впрочемъ, вопреки ихъ собственной волѣ, такъ какъ теорія Гроссера Іудео-Польши послѣ блестящаго успѣха у легко увлекающагося еврейскаго люда сегодня подверглась столь же полному забвенію.

Находя точку опоры въ правительствѣ свободной Польши, ассимиляція будетъ развиваться какъ въ умственномъ, такъ и въ трудовомъ отношеніи, а польская мягкая и гуманная натура, не раздражаемая разными теоріями „компенсаціи національныхъ эгоизмовъ“, опять станетъ

собой и перестанет избѣгать торговыхъ и другихъ сношеній съ поляками „Моисеева вѣроисповѣданія“.

Еврейскій вопросъ въ Польшѣ приметъ тотъ видъ, какой онъ принялъ на западѣ, т.-е. сведется къ существованію одной больше религиозной разновидности, не возбуждающей никакой особенной опасности и никакого особеннаго интереса.

Г. Курнатовскій.

II. Голосъ еврея.

Наканунѣ того дня, какъ сталъ возможенъ самый вопросъ о положеніи евреевъ въ *свободной* Польшѣ, въ Польшѣ царилъ лозунгъ бойкота, изоляціи, вытѣсненія евреевъ, въ Польшѣ всѣ господствующіе слои и партіи, вся почти печать относились къ еврейскому населенію, какъ къ „чужимъ“, для которыхъ нѣтъ мѣста въ краѣ, какъ къ „врагамъ“. Ибо врагами Польши были объявлены и тѣ евреи, которые тяготеютъ къ русскому языку и русской культурѣ („литваки“, „руссификаторы“), и тѣ, кто видитъ въ еврействѣ самодовлѣющую націю („надъ Вислой не можетъ быть двухъ народовъ“), и—увы!—даже тѣ, кто искренно называютъ себя „поляками Моисеева закона“ и говорятъ на польскомъ языкѣ. *Таковъ вчерашній день*. Но, можетъ быть, взаправду „война заставила всѣхъ позабыть о еврейскомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что у невѣдомаго конца этой войны сіяетъ заря свободной Польши“? Можетъ быть, съ 1 августа 1914 года, когда передъ изумленными взорами поляковъ предсталъ образъ Польши, воскресшей и свободной, наступилъ переворотъ въ польско-еврейскихъ отношеніяхъ, было предано поляками забвенію прошлое, было признано ими „уваженіе правъ тѣхъ народностей, съ которыми поляковъ связала исторія“, уваженіе правъ народности еврейской? Увы, нѣтъ! Какъ только *все* органы еврейской печати въ Варшавѣ единодушно, въ восторженныхъ выраженіяхъ, высказались о воззваніи къ полякамъ, заявивъ, что „лучъ свѣта, озарившій польское небо, озарилъ и евреевъ“ ¹⁾, что „евреи радуются радости поляковъ“ ²⁾, что „благовѣсть о возрожденіи польскаго народа можетъ вызвать только чувства глубокаго удовлетворенія у евреевъ“ и т. п. ³⁾,—началась новая травля польскихъ евреевъ по поводу этихъ именно отзывать еврейской печати. Органъ бойкотистской Польши, *Газета По-ранная* въ отвѣтъ на эти голоса заявила, что ошибочно „евреи единогласно рѣшили, будто слова воззванія объ уваженіи поляками правъ

1) *Hajnt*, № 182.

2) *Moment*, № 182.

3) *Leben*, № 182. См. также *Nacifira*, № 179, *Новый Восходъ* (№ 37), *Разсвѣтъ*.

народностей, съ которыми ихъ связала исторія, относятся къ евреямъ". Ибо евреи не народность, а „инородцы“. Странной-де „была бы забота объ интересахъ евреевъ, когда выяснилась ихъ „дѣйность“, какъ боевого материала, а вступленіе неприяТЕЛЬСКИХЪ отрядовъ на территорию Польши открыло полностью ихъ пресловутую лойяльность“. Такъ былъ данъ толпѣ въ самомъ началѣ войны новый лозунгъ, подхваченный улицей и ея націоналистической печатью ¹⁾, одновременно были пущены въ ходъ достаточно извѣстныя обвиненія противъ еврейства въ наиболѣе, къ сожалѣнію, вліятельномъ органѣ современной Польши, дабы „въ объединенной Польшѣ такъ же, какъ въ разъединенной“ можно было вести политику бойкота и вытѣсненія евреевъ. Противъ ползучей клеветы о предательствѣ еврейскомъ никто не протестовалъ въ польской печати, объ уваженіи ихъ правъ никто не заговорилъ по опубликованіи историческаго воззванія. Каковы нынѣшнія настроенія въ Польшѣ, можно судить по обращеніямъ къ населенію варшавскаго, люблинскаго, петровскаго губернаторовъ по поводу „агитаци противъ евреевъ“ и „живыхъ слуховъ и розказней“, распространяемыхъ „съ цѣлью вызвать беспорядки и насилія“, „возбужденіе одной части населенія противъ другой“. Можно ли послѣ этого удивляться тому, что вопросъ о будущемъ, о положеніи въ свободной Польшѣ кажется евреямъ не только интереснымъ, но и тревожнымъ, чрезвычайно важнымъ и очереднымъ?

Думаю, что такимъ онъ долженъ казаться не только однимъ евреямъ. Для русскаго общества въ цѣломъ, для Россіи, какъ государства, для русскихъ передовыхъ слоевъ весьма важно знать, каково будетъ положеніе еврейскаго населенія въ свободной Польшѣ. Чѣмъ бы они ни руководствовались при устроеніи Польши на новыхъ началахъ,— критеріями ли свободы и справедливости, исключительно ли государственными интересами Россіи или синтезомъ такихъ критеріевъ и интересовъ,—нельзя не ставить на очередь вопроса о польскихъ евреяхъ, нельзя не разрѣшать его съ той же точки зрѣнія, которая станетъ исходной при разрѣшеніи польскаго вопроса Россіей. Ибо каждый русскій политическій дѣятель въ правѣ задуматься надъ тѣмъ, въ состояніи ли польское населеніе, при *нѣтъинемъ* его внутреннемъ укладѣ и при господствующимъ въ немъ силахъ, урегулировать у себя еврейскій вопросъ на началахъ свободы и справедливости, а тѣмъ болѣе сообразно съ государственными интересами Россіи?

Ясно, чего требуютъ начала свободы и справедливости въ отношеніи къ правамъ трехъ милліоновъ еврейскаго населенія объединенной Польши. Но не менѣе ясно, что для Россіи не безразлично, обеспечены ли гражданскія, политическія и національныя права польскаго

¹⁾ *Rozwój, Nowa Placówka, Kurjer dla wszystkich*, виленская *Девуршовка*.

еврейства, того населенія, вся экономическая дѣятельность котораго образуетъ неразрывныя звенья между Польшей и Россіей, которое въ силу своей дѣятельности и своихъ жизненныхъ интересовъ наиболѣе заинтересовано въ цѣлости и единствѣ Россійскаго государства. Что таково именно государственно-соціальная роль польскихъ евреевъ, сознають не только сами евреи, ¹⁾ но и Романъ Дмовскій, ²⁾ вполне сознающій, какова та сила, которая спаяла евреевъ Польши съ Россіей и освободила отъ безусловной подчиненности полякамъ. Не можетъ же всего этого не учесть русскій государственный дѣятель и политикъ.

Для установленія сущности и генезиса польско-еврейскихъ отношеній нѣтъ надобности возвращаться къ временамъ царя Гороха, какъ равно нѣтъ возможности считать „залогомъ того, что въ будущей Польшѣ евреи не могутъ занять другого положенія, чѣмъ положеніе полноправныхъ гражданъ“, то, что съ ними, евреями, „Польша обращалась всегда мягче и гуманнѣе, чѣмъ другія страны“. Дѣло не въ томъ, были ли евреи Польши вполне *ополяченны* по языку и даже по правамъ въ XIV вѣкѣ, какъ это утверждаетъ г-нъ Курнатовскій, очевидно незнакомый съ большою литературой по этому вопросу, отнюдь не пришедшей къ такому категорическому утвержденію. ³⁾ Гораздо важнѣе установить, что въ свободной Рѣчи Посполитой еврейское населеніе не было „религіозной разновидностью“, не считалось лагеремъ поляковъ Моисеева закона, а рассматривалось, какъ особая народность, которая жила своей особой, даже изолированной, жизнью и пользовалась даже „своеобразной культурной автономіей“. Это важно установить, потому что г-ну Курнатовскому кажется, что до 1905 года, до того, какъ явились евреи изъ Россіи, жаргонныя газеты, *Жаботинскій* и *Гроссеръ*, ⁴⁾ не было еврейской національности, не было среди евре-

1) *Моментъ*, № 195: „Кто не знаетъ, что пораженіе врага чрезвычайно интересуетъ евреевъ съ экономической точки зрѣнія, ибо если бы, не дай Богъ, пограничный край былъ бы отторгнутъ отъ Россіи врагами, были бы совсѣмъ разрушены еврейская промышленность, домашнее производство и торговля“.

Разсѣтъ, № 37: „Экономическіе интересы евреевъ Польши за послѣднее время все сильнѣе и сильнѣе связывали евреевъ съ Россіей, такъ что перспектива отторженія Польши и присоединенія ея къ тому или иному смежному государству равнозначна съ перспективой полнаго обнищанія“.

Новый Восходъ, № 30. См. „Война и евреи“.

2) *Романъ Дмовскій*: „*Kwestya zydowska*“.

3) См. взгляды Дубнова, Гаркави, Бершадскаго, Schipper'a и мн. др.

4) Кстати. Взгляды Жаботинскаго и Гроссера, возведенныхъ въ рангъ руководителей польскаго еврейства, такъ изложены, что въ такой формѣ врядъ ли ихъ авторы, а тѣмъ болѣе польскіе евреи, признали бы эти взгляды характерными и не лишенными

евъ сознанія своей национально-культурно-религиозной обособленности, не было ничего, кромѣ исторіи ассимиляціи. Важно также установить, что въ свободной Рѣчи Посполитой евреи не въ правѣ были имѣть какія-либо политическія стремленія, не имѣли никакихъ политическихъ правъ, не пользовались равноправіемъ, были паріями, подвергавшимися правовымъ ограниченіямъ и униженіямъ, и, между прочимъ, только послѣ паденія Рѣчи Посполитой получили право жительства въ Варшавѣ. Никакого „залога“ прошлое не даетъ. Въ настоящее время сами поляки-националисты ¹⁾ стремятся доказать, что традиции польской исторіи и умственной жизни связаны съ антисемитизмомъ и преслѣдованіемъ евреевъ. Но даже если ихъ тенденціи односторонне освѣщаютъ прошлое, ни въ какомъ случаѣ нельзя всѣ гарантіи равноправія для евреевъ Польши сводить къ ссылкамъ на исторію. *Только* наканунѣ паденія Рѣчи Посполитой, подъ влияніемъ идей французской революціи, демократическая Польша выставила, между прочимъ, боевой лозунгъ эмансипаціи евреевъ. Къ сожалѣнію, невѣрно то, что герцогство Варшавское (1807 г.—1815 г.), а затѣмъ автономное Царство Польское (1815 г.—1830 г.) проводило послѣдовательно идеи эмансипаціи евреевъ и гражданскаго равноправія. Наоборотъ, въ тѣ годы, когда, послѣ разрушенія свободной Польши, часть ея пользовалась временно правами сувереннаго или автономнаго края, старыя клерикально-шляхетскія традиции и юдофобія побѣждали тѣ постѣвы демократизма, которые остались наслѣдіемъ неосуществленной „боевой“ конституціи 3 мая 1791 года. Конституціонная хартія 22 іюня 1807 года, дарованная герцогству *Наполеономъ*, дѣйствительно установила равенство всѣхъ передъ закономъ, но уже 17 октября 1808 года совѣтъ управленія добился продолженія безправнаго положенія евреевъ на десять лѣтъ, конца которыхъ герцогство не дождалось. Въ эпоху герцогства были введены гражданско-правовыя ограниченія, а также черта осѣдлости въ городахъ Польши, гдѣ евреямъ отводились особыя улицы. Въ *автономномъ* Царствѣ Польскомъ евреи не добились расширенія своихъ правъ. И тогда многочисленныя комиссіи приходили только къ заключенію, въ лучшемъ случаѣ, что евреямъ можно будетъ дать равноправіе въ будущемъ.

Правовыя ограниченія, спеціальныя сборы (кошерный, гелейтъ-цолль, городской съ евреевъ, приѣзжающихъ въ Варшаву) существовали все время въ автономномъ Царствѣ Польскомъ. ²⁾ Благія намѣренія все

смысла. Одно только могъ сказать Гроссеръ, мнимый „создатель исторіи Іудео-Польши“: „надо обезпечить права еврейской національности, какъ въ Бельгии, на примѣръ, обезпечены права валлоповъ и фламандцевъ“.

¹⁾ *Antoni Marylski*. „Dzieje sprawy żydowskiej w Polsce“.—*Kazimierz Bartoszewicz*. „Pierwsi antysemita polscy“.

²⁾ См. „Евр. энциклоп.“, XV т. Царство Польское.

время боролись съ антисемитскими тенденціями, которыми и были побѣждены. Когда извѣстный русскій государственный дѣятель Новосильцевъ „представилъ проектъ о реформѣ, дававшей евреямъ возможность въ извѣстныхъ случаяхъ получить гражданскія и политическія права, Государственный Совѣтъ (Царства Польскаго) рѣзко выступилъ противъ него“. ¹⁾ Государственные дѣятели такого типа, какъ юдофобъ Сташиць, были сильнѣе такихъ идеологовъ, какъ Валеріанъ Лукасинскій. Такимъ образомъ не только исторія Польши до раздѣловъ, но и тѣ періоды, когда судьба, неожиданно повернувъ ходъ событій, отдавала польскому населенію право управлять собою и другими,—словомъ, прошлое Польши, самостоятельной и свободной, даже послѣ провозглашенія конституціи 3 мая 1791 г., никогда не было эпохой равенства и равноправія для евреевъ. Да оно и не могло быть таковымъ. Евреи не стояли особнякомъ, бокъ-о-бокъ съ нимъ жило коренное польское крестьянство, безправное и закрѣпощенное. Не для хуленія польской исторіи, не для ретроспективныхъ обидъ приходится констатировать это, а во имя правды, ради того, что не одинъ только г. Курнатовскій, а очень многіе поляки, прикрываясь какой-то сентиментальной исторіософіей, всегда отвѣчали ссылками на прошлое, когда рѣчь шла о настоящемъ или будущемъ, всегда требовали отъ евреевъ уплаты очередными своими интересами за это прошлое. ²⁾ Тѣмъ не менѣе была въ этомъ прошломъ та сила, которая смягчала не только горе безправія, не только противодѣйствовала яду юдофобіи, но и спасала польское еврейство, устанавливая *modus vivendi*. Въ эпоху Рѣчи Посполитой, когда еврей не былъ гражданиномъ, когда его окружала атмосфера среднихъ вѣковъ,—этой сплой была та „своеобразная культурная автономія“, которая по внутренней культурно-религіозной и національной общественной жизни дала свободу еврейскому населенію. Со временъ конституціи 3 мая 1791 года, въ теченіе почти всего XIX вѣка, такой силой была та демократическая польская интеллигенція, тѣ

¹⁾ Въ 1826 году было учреждено то раввинское училище „школа раввиновъ“, учрежденіе котораго г. Курнатовскій приписываетъ Велепольскому; училище это закрылось въ 1863 г.

²⁾ Въ годы управления маркиза Велепольскаго, въ разгаръ повстанія 1861—1863 г., было проведено этимъ выдающимся человѣкомъ въ дни его наибольшаго могущества, равноправіе евреевъ въ сферѣ гражданского права. Велепольскій, врагъ повстанія, стоялъ совершенно одиноко въ польскомъ обществѣ, окруженный всеобщей враждой. Хотя 1861—1863 гг. образуютъ наидурчій періодъ въ польско-еврейскихъ отношеніяхъ, установившій на нѣсколько десятилѣтій благоприятныя для нихъ традиціи, хотя идеологія того времени благоприятствовала и равноправію евреевъ, и раскрѣпощенію крестьянъ,—исторія не вписала въ польскія страницы заслугъ фактическаго *de jure* уравниенія евреевъ въ гражданскихъ правахъ и раскрѣпощенія крестьянства. Эти реформы были плодомъ политики Петербурга и проводились ставленниками его.

прогрессивные дѣятели и мыслители Польши, которые, при официальном безправии, при господствѣ шляхетско-клерикальныхъ силъ, ратовали за человѣческое и гражданское достоинство еврея, за идеи демократизма, за сліяніе поляковъ и евреевъ на почвѣ общихъ стремленій, совмѣстныхъ трудовъ и подвиговъ.

Эта-то лучшая часть польскаго общества, изъ среды которой вышли Бутримовичъ, Чацкій, Лелевель, Мицкевичъ, Лукасинскій, Крашевскій, Конопницкая, Ожешко, и послужила тѣмъ магнитомъ, который легко превратилъ верхній слой польскаго еврейства, рвавшійся къ европейской культурѣ, въ матеріаль для ассимиляціи, для растворенія въ польщизнѣ.

Долженъ признаться, что тѣ взгляды, которые высказываетъ г. Курнатовскій о польско-еврейскихъ отношеніяхъ послѣдняго фазиса, въ самой Польшѣ уже сданы въ архивъ, и врядъ ли самъ г. Курнатовскій станетъ въ польской печати отстаивать такія положенія. Въ сущности вся его концепція сводится къ тому, что до 1905 года польскому обществу *казалось*, „что ассимиляція идетъ успѣшно“. Поэтому до этого года антисемитизмъ былъ слабъ, а въ самомъ 1905 году „о евреяхъ поэтому вовсе не говорится (??). Послѣ 1905 года появился еврейскій націонализмъ съ „литваками“, быстро перешедшими отъ русскаго языка къ жаргону, съ Жаботинскимъ и Гроссеромъ, къ которымъ еврей-„ассимиляторы относились съ негодованіемъ“. Но такъ какъ этого негодованія не раздѣляла еврейская масса, а ассимиляторы выражали передъ этой массой свое негодованіе не на еврейскомъ жаргонѣ, а на чистомъ польскомъ языкѣ, и тутъ же обнаружили свой оппортунизмъ, то „Свентоховскій прервалъ отношенія съ ассимиляторами“... Тутъ г. Курнатовскій упирается прямо въ бойкотъ, въ ту священную войну, которую польское общество, съ Дмовскимъ, Свентоховскимъ, Немоевскимъ во главѣ, объявило всему еврейскому населенію, въ томъ числѣ и „полякамъ Моисеева закона“. Но изъ статьи г. Курнатовскаго не видно даже, что въ Польшѣ былъ бойкотъ, принявшій некультурныя формы ¹⁾. Рассказывается только, какъ польскіе торговцы, увеличившись численно, учредивъ даже первый (?) частный оптовый магазинъ (*sic*), „воспользовались не польскимъ націонализмомъ, какъ „рекламой“ для своихъ польскихъ товаровъ, что было бы естественно, а еврейскимъ, что выходитъ ужъ очень ловко. Эта „реклама была довольно успѣшна“, — повѣствуетъ намъ далѣе г. Курнатовскій. Затѣмъ, г. Курнатовскій ду-

¹⁾ Самъ г. Курнатовскій высказался въ разгаръ бойкота за изолированіе польскими потребителями еврейской торговли и промышленности, видѣлъ въ бойкотистскомъ движеніи явленіе естественное и „нормальное“, но полагалъ, что „оттѣсненіе отъ польщины ополеченныхъ евреевъ потому, что ихъ предки не были поляками“ есть варварство, и что къ дѣлу колонизаціи городовъ путемъ вытѣсненія евреевъ такіе евреи могутъ быть привлечены“. См. *Prawda*, 1913 г., № 6.

маетъ, что нынче опять произошелъ поворотъ къ ассимиляціи, къ „ассимиляціи изъ нужды“. Современемъ „польская мягкая и гуманная натура“ не откажется „отъ торговыхъ и иныхъ сношеній съ поляками Моисеева закона“. Все это, однако, не такъ просто. ...Основная причина обостренной борьбы поляковъ съ евреями — это наступательный походъ коренного польскаго торгово-промышленнаго класса, его стремленіе къ полному нераздѣльному господству на всей территоріи Польши, гдѣ работаютъ трудъ и капиталъ. Нѣтъ никакой возможности отрицать, что поляки не защищаютъ своего давняго экономическаго status quo, не борются за свое достояніе въ сферѣ экономическихъ отношеній, а вытѣсняють и нападаютъ; не можетъ быть рѣчи о завоевательныхъ захватахъ еврейства въ Польшѣ, ибо вся борьба имѣетъ своимъ открытымъ всеобщимъ лозунгомъ — отвоеваніе, завоеваніе, ополяченіе торговли и промышленности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она испоконъ вѣковъ находится въ рукахъ евреевъ. Такъ какъ городскій классъ польскаго населенія, дающій нынѣ тонъ во всей польской жизни, въ этомъ направленіи могъ только встрѣтиться съ контактомъ старой шляхетско-клерикальной Польши, современнаго полуразрушеннаго польскаго шляхетства, консервативно-клерикальнаго „крѣпкаго“ крестьянства и не могъ не встрѣтить также сочувствія въ самомъ польскомъ клирѣ и въ той польской интеллигенціи, которая, не имѣя доступа къ управленію и властвованію, должна конкурировать, въ борьбѣ за кусокъ хлѣба, съ интеллигенціей еврейской, — то быстро „вся Польша“ стала лагеремъ антисемитовъ, объявившихъ крестовый походъ польскому еврейству. Не еврейскій націонализмъ, а польскій, наступательный въ силу своихъ цѣлей, лишенный широкихъ государственныхъ и политическихъ горизонтовъ, — этотъ націонализмъ сталъ виновникомъ разладовъ и вершителемъ судебъ края. Для него „ассимиляція“, лагерь „поляковъ Моисеева закона“ былъ ѣдкой солью въ глазахъ. Ополяченный внѣшне и въ культурномъ отношеніи еврей—купецъ, промышленникъ, врачъ, адвокатъ—гораздо менѣе пріятенъ, какъ конкурентъ, разросшемуся польскому городскому сословію, чѣмъ „литвакъ“ или старосвѣтскій еврей изъ малаго мѣстечка: ибо полякъ Моисеева закона окрашенъ въ тотъ защитный цвѣтъ, который можетъ спасти отъ антисемитской шрапнели. Поэтому одной изъ первыхъ задачъ польскаго націонализма былъ обстрѣлъ изъ всѣхъ орудій всей идеологіи ассимиляціи въ цѣломъ, всего ассимилировавшагося слоя польскихъ евреевъ въ совокупности и въ одиночку. „Ассимиляція обанкротилась“, кричали на всѣ лады польскіе политики, публицисты, агитаторы, репортеры на всѣхъ перекресткахъ. Въ бойкотистской печати съ особеннымъ усердіемъ слѣдили за тѣми „еврейскими магазинами“, гдѣ творится „еврейскій маскарадъ“: поименно, съ указаніемъ адресовъ, травили

наибольше ополеченныхъ, даже заслуженныхъ евреевъ, столповъ ассимиляци, если ихъ фирма могла вводить въ заблужденіе бойкотиста. Словомъ, заодно съ евреями, война поляками объявлена и ассимиляци. Слѣдовательно, не огорченія по поводу неуспѣховъ ассимиляци вызвали „отпоръ“ со стороны поляковъ, и не надежды на эту ассимиляцію могли бы исправить польско-еврейскія отношенія въ данный періодъ польской жизни. Сама ассимиляція, надъ которой прежде много работала въ Польшѣ до послѣдняго періода польской исторіи, превратилась изъ цѣли въ препятствіе для господствующихъ нынѣ въ Польшѣ силъ.

Да и ассимиляція обанкротилась въ томъ смыслѣ, въ какомъ она не обанкротится не могла. Ибо только верхній слой еврейства могъ растворяться въ польскомъ народѣ въ то время, когда этотъ верхній слой былъ тонокъ, а еврейскія массы были чужды той европейской культурѣ, къ которой тянулись верхи и ради которой отдѣльныя единицы уходили отъ еврейства, покидали еврейскія массы. Но 2.000,000 польскихъ евреевъ не могли раствориться въ польщизнѣ,—милліонная масса еврейскаго населенія, всегда чувствовавшая свою національно-расовую и культурно-религіозную обособленность, не могла перестать быть еврейской. Когда эта масса, а не отдѣльныя единицы, стихійно устремилась къ усвоенію содержанія и формъ европейской культуры когда уже не медленно, не урывками, а неудержимымъ массовымъ потокомъ она стала приближаться къ современной жизни,—образовалось само собой національное еврейское движеніе и по существу, и по формамъ, и по окраскѣ. Естественно, что разъ для этой массы понадобились, напримѣръ, газеты съ колоссальными тиражами,—эти газеты могли издаваться только на языкѣ этихъ массъ. Точно такъ же потребность въ книгѣ, театрѣ и т. п. могла получить удовлетвореніе въ національномъ содержаніи и формѣ, независимо отъ ихъ уровня и качественности. Такъ стало фактомъ еврейское національное движеніе. Таковъ еврейскій націонализмъ на дѣлѣ. Заодно выяснилось, что на общественно-политической сценѣ Польши существуетъ „народность, съ которой поляковъ связала исторія“. Ибо пока эта масса спала въковымъ своимъ сномъ, ея просто не замѣчали на общественно-политической аренѣ, ея не принимали во вниманіе,—вѣрили поэтому, что, кромѣ поляковъ, въ краѣ никого нѣтъ. Но вѣдь это была только иллюзія, оптическій самообманъ и—только.

И вотъ, къ тому времени, когда сама жизнь потребовала отвѣта на вопросъ, на какихъ началахъ уваженіе правъ другой народности можетъ получить свое выраженіе въ общественномъ сознаніи Польши, это общественное сознаніе ужъ успѣло докатиться до санкціонированія обыкновенныхъ гражданскихъ правоограниченій. Къ тому времени, когда назрѣлъ вопросъ о томъ, въ правѣ ли еврейство Польши, буде оно по-

желаетъ этого, развиваться и жить, какъ еврейская національность, господствующіе въ Польшѣ слои сошлись какъ будто на томъ, что каждый отдѣльный еврей можетъ не пользоваться обыкновенными человѣческими правами. „Надъ Вислой *не можетъ быть* двухъ народовъ“, такъ гласить отвѣтъ на вопросъ о существованіи двухъ народностей въ Польшѣ въ наиболѣе умѣренномъ органѣ польской прессы—*Slowo*. *Не можетъ быть*, хотя всетаки въ дѣйствительности надъ Вислой волей судьбы живетъ польскій народъ бокъ-о-бокъ съ другимъ, съ которымъ „поляковъ связала исторія“.

Слѣдуетъ ли прибавить ко всему сказанному, что отвѣтъ на вопросы, самой жизнью поставленные столь остро, долженъ быть данъ во-время. Гордливъ узелъ національныхъ осложненій не можетъ быть разрубленъ горделивой фразой. Право на жизнь трехъ милліоновъ не можетъ быть гарантировано ссылками на *tempora plusquamperfecta*. Оно не можетъ стать предметомъ разсмотрѣнія тѣхъ силъ, которыя доселѣ его игнорировали или отрицали. Если въ свободной Польшѣ евреи подвергнутся процессу ассимиляціи и ополяченія, то этотъ процессъ осуществится самъ собой, добровольно, но онъ не долженъ быть *conditio sine qua non* гражданского и національнаго равноправія. Наоборотъ: *conditio* свободной Польши есть свобода всѣхъ ея гражданъ, а гарантіей этой свободной Польши можетъ быть только гарантія свободы для всѣхъ гражданъ. ¹⁾

І. А. Клейнманъ.

¹⁾ Стремясь по возможности къ освѣщенію существа польско-еврейскаго вопроса, я сознательно игнорировалъ рядъ совершенно произвольныхъ частныхъ мнѣній и утвержденій г. Курнатовскаго. Укажу на нѣкоторыя.

О „полномъ презрѣніи къ физическому труду („нечистому??“) польскихъ евреевъ“ свидѣлствуютъ цифры, относящіяся къ 1897 г., изъ коихъ видно, что около 50% еврейскаго населенія Польши относятся къ трудящимся классамъ, не занятымъ въ торговлѣ; 34,89% заняты были промышленностью и ремесленнымъ производствомъ, 3,50%—транспортомъ, 2,33%—сельскимъ хозяйствомъ, 8,31%—частной дѣятельностью (прислуги, поденщики). Въ эти 50% не входятъ приказчики, торговые служащіе и т. п. Известно, что среди ломовиковъ, носильщиковъ тяжестей евреи въ Польшѣ преобладаютъ. См. также Б. Бруцкусъ: „Професс. составъ евр. нас.“. Слб., 1908 г.

„Секта франкистовъ“ возникла не вслѣдствіе „начинаній ассимиляціи“ въ Польшѣ, а до этихъ „начинаній“,—подъ влияніемъ мистически-мессіанскаго движенія въ еврействѣ Востока вокругъ Лже-Мессии, Сабатаи Цеви. Самъ Франкъ, принявъ магометанство, былъ главаремъ сабатаянцевъ въ Салоникахъ. Вслѣдствіи въ Польшѣ, франкисты, ожесточенные преслѣдованіями со стороны евреевъ, вмѣстѣ съ католическимъ духовенствомъ выступали на религіозныхъ диспутахъ въ 1757 и 1759 гг. съ разными обвиненіями противъ еврейской религіи, въ частности съ обвиненіемъ въ употребленіи христіанской крови. Подъ давленіемъ католическаго духовенства, франкисты приняли католичество, но попрежнему втайнѣ продолжали быть сектантами, за что подвергались преслѣдованіямъ со стороны властей, и самъ Франкъ былъ заключенъ въ тюрьму въ 1760 г. По смерти Франка его послѣдователи чтли его дочь Еву, какъ олицетвореніе женскаго начала Божества. Таковы „ассимиляторы“ г. Курнатовскаго XVIII в. См. А. Краузнаг. *Frank i frankisci*. Краковъ, 1895 г.

Германская идея.

„βία βίη βιάζεται“.

Въ эти дни великаго гнѣва, повышеннаго, торжественнаго настроенія трудно писать. Трудно, тяжело теоретизировать, быть объективнымъ, спокойно-разсудительнымъ, взвѣшивающимъ всѣ *за* и *противъ* изслѣдователемъ и аналитикомъ событій, души событій. Когда льется на поляхъ битвы кровь нашихъ братьевъ, когда врагъ угрожаетъ нашему очагу, миру Россіи, миру Европы, трудно сидѣть въ ложѣ историко-психологической критики и оцѣнивать „*dramatis personae*“, оперировать съ разными „но“ и „однако“ въ то время, когда нужно полное самозабвеніе и самопожертвованіе. И очень возможно, что и этотъ этюдъ, посвященный нѣмцамъ, не лишентъ субъективной, эмоциональной, страстной окраски. Можетъ быть, будущій историкъ-психологъ иначе, объективнѣе и безпристрастнѣе взглянетъ на эту битву народовъ, чѣмъ мы, современники. Но дѣло не въ этой объективности и не въ хваленомъ историческомъ „методѣ“, а въ уясненіи себѣ же, себѣ и всѣмъ тѣмъ, кто ищетъ смысла, оправданія войнѣ. Политика, дипломатія, экономическія условия—все это ясно и понятно. Но передъ нами стоитъ другой вопросъ—нравственный. Хорошо ли то, что мы дѣлаемъ, и если да,—почему? Можемъ ли мы оправдать наше чувство передъ судомъ интеллекта, и если да,—какими доводами?

„Никакая война“, говорилъ историкъ Рима Нибуръ, „не можетъ обосновать права, не существовавшего до нея“. И никакой фактъ не можетъ быть оправданнымъ только потому, что онъ фактъ. Передъ нами встаетъ трудная проблема. Не сама война. Она фактъ, она дана, она—рокъ. Не объединяющее всѣхъ насъ чувство солидарности съ родиной и съ культурной Европой. Оно естественно, какъ всякое непосредственное чувство. Наша проблема—въ оправданіи этого чувства, въ осмысливаніи его.

Я поставилъ въ подзаголовкѣ древнія вѣщія слова: „βία βίη βιάζεται“—сила силою осиливается. Но вѣдь есть разныя силы. Сила-насиліе, сила гнетущая, подавляющая и сила-живительная. Есть не только

„*idée-force*“, но и „*force-idée*“. Мы боремся противъ нѣмецкой, германской силы. Въ чемъ же она заключается, въ чемъ ея смыслъ, ея идея? Правы ли мы, отрицая ее, или, можетъ быть, мы хотимъ погубить силу хорошую, цѣлебную, спасительную? Вотъ въ чемъ наша проблема...

Гегель, этотъ пророкъ Германіи и германизма, провозвѣстникъ величія и историческаго назначенія нѣмецкаго народа, сказалъ какъ-то вскользь удивительно мѣткое, глубокое слово: „*Es ist die spekulative Bestimmung Deutschlands—mit sich selbst zu zerfallen*“—спекулятивное, метафизическое назначеніе Германіи—внутренній распадъ, отпаденіе отъ самой себя.

Исторія Германіи послѣднихъ лѣтъ показала всю пророческую глубину этого слова.

Мы все склонны идеализировать старую Германію временъ Шиллера и Гете, Германію мелкихъ княжествъ, раздробленную, безсильную политически и хозяйственно, но мощную духомъ. И мнѣ кажется, что въ этой идеализаціи большая доля правды. Германія того времени была страна самодовлѣющей идеи, борьбы за идеаль, за справедливость. Она ждала съ тоской и нетерпѣніемъ своего „дня“. „Всякая нація,—говорилъ Шиллеръ,—имѣла уже свой день, день же Германіи будетъ жатвой всего человѣчества“. А другіе, болѣе крайне національно настроенные вожди умственной Германіи брали пророческіе, ветхозавѣтные аккорды: „Все, что вѣрить въ духовность и свободу этой духовности въ свободѣ, все это, гдѣ бы оно ни зародилось, на какомъ бы языкѣ оно ни выражалось,—плоть отъ нашей плоти, намъ принадлежитъ и за насъ будетъ работать. Все же, что вѣрить въ застои, въ регрессы или въ круговороты, въ мертвую природу у руля міропорядка, все это, независимо отъ его происхожденія или языка, намъ чуждо, чуждо нѣмецкому духу“. Такъ говорилъ Фихте въ своихъ знаменитыхъ патріотическихъ „рѣчахъ къ нѣмецкой націи“ въ тяжелый годъ ея испытанія, сто лѣтъ тому назадъ. И естественно, что при такихъ предпосылкахъ онъ могъ договориться до слѣдующихъ патетическихъ словъ: „А потому, воистину нѣтъ исхода: если вы погибнете, то все человѣчество погибнетъ безъ надежды на воскресеніе“. А ученикъ и продолжатель Фихте—Шеллингъ въ болѣе спокойное время, когда наполеоновская гроза давно миновала, когда опасность полнаго исчезновенія съ карты политической Европы прошла для Германіи, дальше развилъ мысль Фихте о „назначеніи нѣмцевъ“: „Нѣмецкій народъ слишкомъ своеобразенъ по своему внутреннему духовному строенію, чтобы идти въ ногу съ другими народами. Ему предназначена высшая цѣль—пройти собственными силами, отъ себя все ступени, пройденныя другими народами врознь, и представить со-

+ бой на послѣднемъ этапѣ наиболѣе высокую и богатую духовную силу, на которую только способна человѣческая натура“.

✓ Намъ, современнымъ людямъ, непонятны подобные взрывы самолюбленности, непостижимы эти наивныя самовосхваленія. Что дало Германіи Фихте и Шеллинга право считать себя солью земли?

Какъ могли нѣмцы XVIII вѣка, замиравшіе въ благоговѣнномъ трепетѣ передъ владѣтельными князьками разныхъ Липпе-Детмольдъ, Саксенъ - Кобургъ и Рейссъ-Шлейцъ, кланіе въ основу своего государствовѣдѣнія и социальныхъ взаимоотношеній полное порабощеніе личности, поглощеніе ея государственною, полицейскимъ строемъ, обожествленіе принципа надъиндивидуальнаго „Staat“,—какъ могли они служить хотя бы въ метафизикѣ, хотя бы въ фантазіи заоблачнаго философа представителями, типами истинно свободныхъ людей?

Я бы долженъ былъ слишкомъ углубиться въ дебри нѣмецкой метафизики, если бы захотѣлъ объяснить это глубокое внутреннее противорѣчіе между словами и дѣйствительностью нѣмецкой жизни идиллически-романтической эпохи. Остановлюсь только на понятіи „Freiheit“, свобода у нѣмцевъ. „Freiheit“ не покрываетъ собой то же понятіе, что наша „свобода“.

Свобода—это „вольность“, положительный идеалъ возстановленія вольной воли, дѣятельной, самодѣятельной, нестѣсненной воли личности. Нѣмецкая „Freiheit“ иная, чѣмъ воля—libertas. Ея идеалъ отрицательный, ограничительный. Ея суть—это осознаніе личностью необходимости подчиненія. Тутъ уже не „воля“, а добровольность, не свободный размахъ челоука, а сознательное соподчиненіе членовъ общества, спаяннаго „нравственной идеей“. Иными словами, не свобода, а иллюзія свободы, не вольность, а философія подчиненія, душевной скованности. Фридрихъ Листъ сказалъ глубокую правду, назвавъ нѣмцевъ своего времени „рабами челоучества“. Конечно, онъ подразумѣвалъ подъ этимъ ихъ внѣшнее политическое положеніе, но истинное рабство нѣмцевъ было внутреннее. Рабъ не тотъ, кого заставляеть судьба носить цѣпи, а тотъ, кто поклоняеться цѣпямъ. Спартакъ или Эпиктетъ не были рабы, несмотря на ихъ официальное рабство, а сенаторы изъ вольноотпущенниковъ или хитрые „graeculi“, признававшие порядокъ, были настояще рабы.

Всѣхъ мыслящихъ нѣмцевъ того времени угнетало сознаніе двойственности, и ихъ „философія свободы“ была—отчаянная попытка заглушить свои внутреннія сомнѣнія, скрасить идеаломъ мессіанства, иллюзіей „соли земли“ неприглядную дѣйствительность.

Старая Германія рисуется мнѣ въ видѣ мечтателя-неудачника Жозефа Денормъ въ романѣ Сэнтъ-Бэва „La Volupté“. Когда онъ предавался мечтамъ, онъ казался себѣ Аполлономъ Бельведерскимъ; но стоило

ему посмотрѣть въ зеркало, и передъ нимъ представалъ настоящий его ликъ—образъ маленькаго, рыжаго, некрасиваго человѣка въ веснушкахъ. Понятно, что Германія избѣгала зеркала и предпочитала мечту...

Но червь сомнѣнія грызъ ее. И нѣмецкіе мыслители неумоимо, при всякомъ случаѣ возвращаются къ своей излюбленной мечтѣ, — нѣмецкому идеалу. Одинъ изъ первыхъ и самыхъ даровитыхъ теоретиковъ пангерманизма Поль де Лагардъ ¹⁾ пытался было точнѣе охарактеризовать „нѣмецкую идею“ въ отличіе отъ общеевропейской, отъ идеи „humanitas“.

„Мы не должны быть человѣчны, но божьи, не либеральны, но свободны, не консерваторы, но нѣмцы, не вѣрующіе, но религіозны (gotisch)... божеское въ насъ должно жить собственной жизнью, а мы всѣ должны быть соединены въ одномъ всезамыкающемъ кругѣ: никто такъ, какъ другой, но и никто не такъ, какъ другой“. И въ другомъ мѣстѣ: „Пусть Германія не думаетъ, что она можетъ вступить въ новую жизненную полосу безъ новаго идеала. Пусть она вспомнитъ, что истинная жизнь растетъ снизу, а не сверху, что она приобрѣтается, а не дается... Германія не географическо-политическое понятіе. Она—совокупность всѣхъ нѣмцевъ съ нѣмецкой мыслью, нѣмецкимъ чувствомъ, *нѣмецкой волей*. Всякій изъ насъ измѣнникъ, если онъ не сознаетъ въ каждый моментъ своей жизни отвѣтственности за существованіе, счастье, будущее отечества, всякій изъ насъ герой и освободитель, если онъ ее сознаетъ“. ²⁾

Итакъ, передъ новой Германіей новый идеалъ—нѣмецкая *воля*. Воля, волевой элементъ смѣняетъ прежній „духъ“, старую формулу идеала нѣмецкаго интеллектуальнаго и моральнаго сознанія. Но воля къ чему, воля на что устремленная? Прежде всего и опять-таки—на поглощеніе личности государствомъ, націей. Я подчеркиваю слова: „никто такъ, какъ другой, но никто и не такъ, какъ другой“. Первая половина требованія исключаетъ другую въ идеѣ, а вторая первую—на дѣлѣ. Гдѣ единообразіе, однообразіе, единство цѣли, гдѣ „никто не какъ другой“—тамъ нѣтъ мѣста многообразію, широкому развитію личности.

Въ этомъ единообразіи коренится и сила Германіи; несмотря на ея политическую раздробленность и такъ называемую „Eigenbrödlerei“, видимость индивидуальности, въ ней никогда или крайне рѣдко происходила борьба за индивидуальность, не вспыхивалъ мятежъ личности противъ среды, какъ во Франціи. Великій Паскаль лишь путемъ глубокихъ и мучительныхъ нравственныхъ терзаній, внутренней борьбы и душевной революціи могъ дойти до знаменитаго парадокса: *Le moi est haïssable*.

¹⁾ P. de Lagarde: „Deutsche Schriften“, I, стр. 54, 1878.

²⁾ *Ib.*, стр. 153.

Въ этомъ парадоксѣ—вся романская психика, основанная исключительно на „moi“, на принципѣ личности. И два столѣтія спустя другой вѣрующій французъ Бональдъ вернулся къ этой же идеѣ: „Il est temps de faire la psychologie de nous“. Иными словами „moi“ должно быть замѣнено „nous“, центръ тяжести долженъ быть перенесенъ отъ индивида на соборную личность, на коллективъ. Проповѣдь Паскаля и Бональда ни къ чему не привела. И Франція осталась страной „moi“, свободы—воли, свободы—libertas.

Германія никогда не знала этой проблемы: moi—nous. Ея начало было испоконъ вѣковъ соборное, ея воля коллективная. Разница между старой и новой Германіей лишь въ формахъ проявленія этого соборнаго начала, въ развитіи его. Отъ тѣсныхъ рамокъ до широкихъ, отъ опекаемаго, мелко мѣщанскаго „Polizeistaat“ до національнаго, до имперіализма, отъ воли къ национальному утверждению до воли къ власти, „Wille zur Macht“—вотъ этапные пункты развитія нѣмецкой „соборной души“. И про Германію можно дѣйствительно сказать: „Coelum mutavimus non animus“. Измѣнилось небо, измѣнились боги, но душа, психическіе контуры остались тѣ же.

Конечно, это—общекультурное, общечеловѣческое явленіе. Франція въ сущности не измѣнилась на протяженіи исторіи. Не измѣнилась даже и франко-германская душевная межа. Сравните хотя бы французскій оригиналь стараго эпоса Chrestien de Troyes съ его старо-нѣмецкой же передѣлкой, и логически-эмоціональная разница структуры станетъ сейчасъ ясна. Въ „Contes“ или „Jolis Advis“ Маргариты Наваррской или Бонавентюры Де-Перье, въ тончайшихъ пѣсняхъ объ „Ami et Amile“, въ творествѣ Раблэ, Франсуа Виллона—вся современная Франція со всѣми ея богатыми нюансами. Отъ Англии „Pier the Ploughman“ или Чосера до Англии прерафаэлитовъ, Мередита и Бернарда Шоу ведетъ прямая линия.

Въ чемъ глубокая разница германской и русской исторіи во время начала развитія государственности обѣихъ расъ? Германія завоевывала, Россія колонизовала. Россія прорубала себѣ дорогу сквозь непроходимые лѣса топоромъ, Германія сложилась благодаря мечу. Въ началѣ Германія бѣ сила. Тевтонскій орденъ основалъ Пруссію огнемъ и мечомъ, военной силой и военной организаціей. Пруссія выросла не органически, а вращена искусственно, путемъ подавленія національных особенностей и особенностей, желѣзной дисциплиной, замѣной всѣхъ чело- вѣческихъ цѣнностей одной—властью. И мало-по-малу Пруссія поглотила Германію, ассимилировала ее. „Имперія есть не что иное какъ продолженіе Пруссіи“, сказалъ старый императоръ Вильгельмъ Бисмарку. И онъ правильно предвидѣлъ событія. Имперія сдѣлалась продолженіемъ, конечностью, щупальцемъ Пруссіи. Въ послѣднемъ счетѣ воля имперіи не

можетъ быть отличной отъ воли Пруссии. ¹⁾ Нѣкоторые новѣйшіе германскіе ученые, какъ, напр., знаменитый историкъ Лампрехтъ, пытались доказать внутреннее, психическое развитіе Германіи отъ временъ Бисмарка до нашихъ дней. Лампрехтъ строитъ такъ называемую теорію „Reizsamkeit“, т.-е. болѣе интенсивной нервной жизни, болѣе широкаго поля воспріятія и подверженности вліянію со стороны внѣшняго міра. И Лампрехтъ рисуетъ два представительныхъ типа германской новѣйшей культуры—Бисмарка и Вильгельма II. ²⁾ Бисмаркъ, по характеристикѣ Лампрехта, былъ реалистъ, Вильгельмъ II—идеалистъ; Бисмаркъ представляетъ собою типъ натуралистической эпохи, идеаль которой былъ идеаль власти. „Кто преклонялся такъ, какъ онъ, передъ политическимъ идеаломъ этой эпохи, политики власти и силы, перенося экстенсивныя тенденціи хозяйственной и общественной жизни того времени на внутреннюю и внѣшнюю политику..., поднимаясь изъ низовъ мелкой политической работы въ ледяную высь политики, проводящей между между обычной гражданской моралью и новыми зарождающимися нравственными силами новаго общественнаго сознанія, рискуя обвиненіемъ въ узурпаторствѣ, насиліи и несправедливости?“

Таковъ былъ Бисмаркъ, про котораго германская исторія утверждаетъ, что онъ былъ величайшимъ государственнымъ мужемъ всѣхъ временъ. Это германская точка зрѣнія, для которой сила и успѣхъ—все. Временный успѣхъ и сила сама по себѣ, безотносительно къ ея внутренней цѣнности. Но правда ли, что политика Бисмарка была истинная, полезная для Германіи?

Или, можетъ быть, правда то, что противники бисмарковской, германской политики всегда утверждали и утверждаютъ, что она была вредна не только для Европы, какъ таковой, но и для самой Германіи? Бисмаркъ совершилъ двѣ крупныя политическія ошибки: войну 1866 г. и войну 1870—71 гг. Первой онъ разрушилъ Австрію, идею австріиства, второй онъ изолировалъ Германію. Для объединенія нѣмецкой націи, утвержденія ея существованія эти войны не были необходимы. Германія была фактически объединена до 1866 г. и до 1870 г., версальскій манифестъ лишній разъ только подтвердилъ существующій фактъ, не внося въ него никакихъ новыхъ элементовъ. Чтобы строить новую Германію, не нужно было разгромить Францію. Эльзась-Лотарингія ни въ какомъ смыслѣ не дала Германіи какихъ-либо выгодъ, политическихъ или хозяйственныхъ. Захватъ этихъ французскихъ провинцій имѣлъ своимъ послѣдствіемъ лишь тяжелую необходимость для Германіи стоять постоянно подъ оружіемъ. Мольтке, болѣе гуманный, болѣе

¹⁾ Treitschke: „Politik“, II, § 22.

²⁾ K. Lamprecht: „Deutsche Geschichte, Ergänzungsband, II, 2, стр. 22 и д.

просвѣщенный и нравственный человекъ, чѣмъ Бисмаркъ, сознался въ этомъ въ рейхстагѣ послѣ войны. „Плоды нашихъ побѣдъ,—говорилъ старый фельдмаршалъ,—это необходимость быть въ теченіе пятидесяти лѣтъ готовыми къ войнѣ“. Исторія сократила этотъ срокъ на семь лѣтъ. Всякій дальновидный политикъ долженъ былъ тогда ясно понимать, что побѣда надъ Франціей—Пиррова побѣда, что союзъ между Франціей, Англійей и Россіей рано или поздно неминуемъ, союзъ оборонительный, могущій перейти въ наступательный, что время гегемоніи одной какой-либо страны въ Европѣ, самой идеи этой гегемоніи безвозвратно прошло, что Германія сама подкапывается подъ собственный принципъ бытія, благодаря которому она выросла, принципъ свободной національности. Но Бисмаркомъ руководила идея Пруссіи, т.-е. идея гегемоніи надъ Германіей, надъ Европой, надъ міромъ вообще. Уже тогда, въ восьмидесятыя годы, пангерманизмъ набросалъ въ общихъ чертахъ программу гегемоніи Германіи. П. де Лагардъ, котораго я выше цитировалъ, писалъ въ 1875 г.: „Миръ въ Европѣ возможенъ лишь тогда, когда Германія расширитъ свои владѣнія отъ устья Эмса до устья Дуная, отъ Мемеля до Триеста, отъ Метца до Буга. Такая Германія будетъ въ состояніи разбить Францію и Россію. И если міръ хочетъ мира, то онъ долженъ примириться съ мыслью, что теперешняя германская имперія лишь проходной пунктъ къ болѣе совершенной, къ средне-европейской имперіи“. ¹⁾ Отъ Метца до Буга; но бисмарковскія мечты шли еще дальше. Онѣ простирались и на Бельгію, Голландію, Швейцарію и въ конечномъ счетѣ на Англію. „Англія завидуетъ намъ, не хочетъ допустить нашего расширенія на морѣ“, писалъ Бисмаркъ уже въ 1857 г.; а послѣ франко-прусской войны онъ еще болѣе откровенно высказывалъ свое озлобленіе противъ Англии: „Канальи! Англичане завидуютъ намъ, что мы выиграли великія битвы... Они насъ никогда не любили и всегда вредили намъ“. Тогда Германія была еще безсильна въ своей злобѣ противъ Англии, но основныя линіи ея дальнѣйшей политики уже были намѣчены. Основная идея бисмарковской политики было неуваженіе къ индивидуальности народовъ и къ нравственнымъ обязательствамъ въ международной жизни. Типичнѣйшій теоретикъ бисмаркианства, Трейчке выразилъ сожалѣніе о томъ, что международное право разрабатывается главнымъ образомъ въ Бельгіи и Голландіи, нейтральныхъ и беззащитныхъ странахъ, живущихъ только благодаря интернаціональнымъ договорамъ. „Они“, т.-е. бельгійскіе и голландскіе „теоретики“, ставятъ побѣдителямъ во имя гуманности требованія, которыя противорѣчатъ мощи государства, неестественны и неразумны. ¹⁾ Между тѣмъ сила должна перевешивать надъ правомъ...

¹⁾ P. de Lagarde, l. c., стр. 87.

¹⁾ Treitschke: Politik, II, § 28.

Эта доктрина, конечно, не выдумана Бисмаркомъ и его приспѣшниками. Старая политическая истина, удачно формулированная лордомъ Сольсбери, гласитъ, что „сильныя государства дѣлаются все сильнѣе, слабыя все слабѣе“. Еще точнѣе: чѣмъ государство сильнѣе, тѣмъ больше оно стремится къ расширенію сферы вліянія своей силы, тѣмъ шире кругъ его интересовъ. Мы это видимъ на примѣрѣ Англіи и Россіи. Англія вела въ теченіе XIX вѣка экспансивную, имперіалистическую политику. Но эта политика не касалась Европы, культурныхъ странъ, сложившихся національныхъ индивидуальностей. Англія колонизовала континенты, вносила культуру въ страны отсталыя, первобытныя, открывала человѣчеству новые рынки, залежи новой энергіи, клады новыхъ цѣнностей. Она завоевывала себѣ шагъ за шагомъ въ теченіе столѣтій возможность величія и богатства. Правда, ея морское могущество выросло на развалинахъ могущества Испаніи и Голландіи. Но опять-таки тутъ была внутренняя историческая необходимость. Голландія и Испанія, перенявшія въ свое время наслѣдіе Ганзы, Венеціи и Генуи, не имѣли достаточно жизненной энергіи, чтобы использовать необъятныя заморскія богатства, которыя имъ принесла война.

„На волнахъ все волна, на волнахъ нѣтъ собственности“, говорилъ Шиллеръ. И Англія взяла на волнахъ то, что никому не принадлежало, взяла „terra nullius“. Всѣ признаютъ огромное значеніе англійской экспансивной политики для человѣчества. „Въ войнѣ противъ Испаніи“, говоритъ Ранке, „судьбы человѣчества лежали на вѣсахъ“. И бисмаркианецъ проф. Эрихъ Марксъ, — я цитирую умышленно исключительно нѣмецкихъ ученыхъ—признаетъ, что „война, въ которую они были втянуты противъ воли, сдѣлалась рѣшающей для нихъ (для англичанъ) и для всего міра“¹⁾. Англія росла естественно и органически, т.-е. эволюціонно, какъ росъ въ свое время Римъ. И ей удалось создать новое „imperiū romanū“ на новыхъ началахъ полной свободы, автономіи и демократіи. Германія явилась слишкомъ поздно на міровую арену. Пути ей заказаны, или же она должна пройти черезъ трупъ современной, культурной Европы. Это, если хотите, трагедія. Но это—трагедія лишь національнаго эгоизма и властолюбиваго имперіализма, не трагедія народа. Я не ставлю вопроса на манеръ нѣскольکو наивнаго Норманъ Энджль²⁾: „если бы нѣмцы завоевали Англію вмѣстѣ съ ея колоніями, сдѣлался ли бы хотя бы одинъ единичный нѣмецъ богаче, поднялось ли бы личное благосостояніе нѣмецкихъ гражданъ?“ Конечно, можно умирать съ голоду на улицахъ Лондона, будучи фиктивнымъ совладѣтелемъ Индіи, Канады, Австраліи и Египта, можно просить милостыни у негра, будучи

1) *Erich Marcks*: „Deutschland u. England“, стр. 14 (1900).

2) *Norman Angel*: „The great illusion“, 1912..

гордымъ британцемъ. Это вопросъ иного порядка, лежащій въ сферѣ внѣшней политики.

Нѣтъ сомнѣнія, что развитіе германской имперіи сопровождалось колоссальнымъ развитіемъ германской хозяйственной жизни и народнаго богатства. Въ 1880 г. Германія экспортировала на 2,95 миллиардовъ марокъ, а импортировала на 2,86 миллиарда; въ 1899 г. вывозъ равняется 4,37 миллиар., ввозъ — 5,78 миллиар.; въ 1902 г. вывозъ — 5,00 миллиар., ввозъ — 5,92 миллиар.; въ 1907 г. вывозъ — 7,44 миллиар. ввозъ — 9,57 миллиар.; въ 1910 г. торговый оборотъ достигъ 17 миллиардовъ, а въ 1911 — около 19 миллиардовъ (по даннымъ „Statistisches Jahrbuch für das deutsche Reich“).

Сравнимъ эти цифры съ статистическими данными другихъ странъ.

Въ 1891 г. торговый оборотъ Англии былъ: 15.211 миллионъ марокъ, Франціи—8,642, Соедин. Штатовъ—7,264, Германіи—8,111 мил. марокъ. Германія, значитъ, стояла на третьемъ мѣстѣ.

Въ 1900 г. мы видимъ:

Англія	17.900 милл. м.
Франція	9.208 " "
Соед. Штаты	9.427 " "
Германія	11.080 " "

Германія—на второмъ мѣстѣ.

Въ 1907 году:

Англія	23.741 м. м.
Франція	12.105 " "
Соед. Штаты	13.925 " "
Германія	17.011 " "

(Торговый оборотъ Россіи составляетъ всего четверть германскаго.)

Если возьмемъ базой сравненія торговаго оборота промежуткомъ между 1887 г. и 1912 г., т.-е. эпоху Вильгельма II, мы получимъ слѣдующую таблицу ¹⁾:

Германія (съ колоніями):	1887 г.— 6.245,9 милл. мар.
" " "	1912 „—19.648,2 " "
Великобританія (вмѣстѣ съ Ирландіей)	1887 „—10.721,5 " "
" " " "	1912 „—22.858,1 " "
Соединенные Штаты:	1887 „— 5.823,1 " "
" "	1912 „—15.916,2 " "
Франція	1887 „— 5.890,8 " "
"	1912 „—11.669,8 " "

Торговля Германіи увеличилась на 214,7%, Великобританія — 113,1%, Соедин. Штатовъ—173,3%, а Франціи—98,1%.

¹⁾ См. *Helfferrich*: „Deutschlands Volkswohlstand“ 1888—1913.

Чѣмъ объясняется этотъ колоссальный, небывалый подъемъ? Приростъ населенія, естественный ростъ торговыхъ сношеній, конечно,—значительные факторы. Большую роль играетъ также особенность нѣмецкаго коммерсанта, его предприимчивость, отсутствие страха передъ рискомъ. Германия дешево производитъ, потому что она производитъ массами. И въ этомъ стремленіи къ „массѣ“ опять-таки коренная германская черта. Далѣе—индустриализація страны, вызванная разными экономическими факторами, въ которыхъ я не стану здѣсь разбираться. Огромную роль играетъ также точность и добросовѣстность нѣмецкой работы. Придите къ фабриканту стальныхъ издѣлій французскому или англійскому съ заказомъ и вы должны будете ему въ теченіе двухъ часовъ толковать и объяснять то, что вамъ нужно, и вы все-таки не будете знать, можетъ ли онъ выполнить заказъ и какова будетъ цѣна. Въ Золингенѣ вы можете столкнуться въ теченіе двухъ минутъ... Покажите нѣмецкому фабриканту какой-нибудь предметъ и спросите его, можетъ ли онъ его производить на такихъ-то и такихъ-то условіяхъ для такой-то и такой-то страны, и нѣмецъ вамъ изготовитъ образчикъ и выполнитъ заказъ... Въ Англии или Франціи вамъ отвѣтятъ: *ragdon!* Если вы не можете мнѣ гарантировать такой-то и такой-то сбытъ, я не могу рискнуть... Нѣмцы даютъ широкіе кредиты, въ Россію на шесть мѣсяцевъ, на Востокъ—на девять мѣсяцевъ, въ Сибирь—даже на восемнадцать... Нѣмцы постоянно производятъ новинки... удовлетворяются небольшимъ барышомъ. Комиссіонныя конторы въ Парижѣ брали раньше 10%, пришли гамбургскіе комиссіонеры и стали работать за 5%, такъ что Гамбургъ захватилъ въ короткое время парижскія комиссіи. Въ концѣ-концовъ парижскіе комиссіонеры должны были еще болѣе сбавить цѣну и работать за 3%, ничего однако при этомъ не выигрывая, такъ какъ въ промежуткѣ ихъ кліенты свыкнулись съ своими гамбургскими фирмами. Нѣмецкій коммивояжеръ, нѣмецкій коммерсантъ, инженеръ, промышленникъ всюду проникаетъ. Въ Россіи торговля, крупная промышленность прямо или косвенно—въ нѣмецкихъ рукахъ; въ Бельгіи, Швейцаріи, Голландіи преобладаетъ нѣмецкій капиталъ. Крупнѣйшія фирмы въ Антверпенѣ и Роттердамѣ почти всѣ германскія. Въ Лондонѣ восемьдесятъ процентовъ банковъ и торговыхъ фирмъ—нѣмецкія. Во Франціи биржа въ нѣмецкихъ рукахъ, шахты въ департаментѣ *Meurthe et Moselle*, въ Нормандіи, химическая промышленность (анилинъ и т. д.) въ нѣмецкомъ владѣніи. „*Le made in Germany domine le monde depuis les contrées européennes les plus civilisées jusqu'aux peuplades de l'Afrique*“¹⁾.

Чѣмъ же объясняется все-таки въ послѣднемъ итогѣ этотъ взрывъ не-

¹⁾ Ср. *George Aubert*: „La folie franco-allemande“, 1914. *Louis Bruneau*: „L'Allemagne en France, 1914 и др.

обычайной национальной энергии? Вѣдь Германія со всѣми ея психическими и экономическими качествами существовала и раньше, до „Gründerjahre“. „Историческая грань между былымъ и настоящимъ—это 1870—1871 годъ. Тогда было заложено основаніе экономического возрожденія Германіи... Дѣло 1870 г. освободило въ Германіи массу связанной энергии. Национальное самолюбіе, насыщенное до поры до времени съ политической стороны, устремилось на экономику. Германія, вступившая въ ряды великихъ державъ, должна была и на мировомъ рынкѣ и на морѣ сдѣлаться первоклассной силой“¹⁾. Уже въ началѣ XIX вѣка Фридрихъ Листъ призывалъ нѣмцевъ къ „Expansionspolitik“. Силь для этого, говорилъ онъ, достаточно у нѣмцевъ, имъ нехватаегь лишь смѣлости. И эта смѣлость явилась съ Бисмаркомъ и съ его прусской политикой силы.

То, что поколѣніе Бисмарка начало, поколѣніе Вильгельма II продолжало и довело до извѣстной кульминаціонной точки. То, что въ эпохѣ чистаго бисмаркианства было въ зародышѣ, *in statu nascendi*, въ настоящее время приобрѣло форму и традицію, сдѣлалось освященнымъ, общепринятымъ, неоспоримымъ идеаломъ. Лампрехтъ разсматриваетъ Вильгельма II, какъ *representative man* второй полосы новѣйшей германской исторіи. „Kaiser“, по его мнѣнію, идеалистъ въ отличіе отъ реалиста Бисмарка. И онъ спрашиваетъ, въ чемъ его идеализмъ, какой онъ категоріи и на что онъ направленъ? Идеализмъ, по опредѣленію Лампрехта, это „воспріятіе и паосъ разстоянія, дали“. Чѣмъ дальше мы отъ объектовъ, тѣмъ болѣе мы склонны обобщать ихъ, схематизировать ихъ. Но для того, чтобы схема не была бездушнѣй, мертвой рамкой, необходимо патетическое отношеніе къ объекту. Есть идеализмъ эпохи несвободы, связанности и замкнутости, традиціи—средневѣковья—и идеализмъ свободной, субъективной духовной жизни. Иными словами, въ средніе вѣка идеализмъ былъ всеобщій, схематичный, направленный на зафиксированную цѣль; современный идеализмъ—личный, разнообразный, свободно-творческій, ставящій себѣ самому свои цѣли и задачи. Таковъ, по мнѣнію Лампрехта, идеализмъ Вильгельма. „Во всѣхъ областяхъ проявляется удивительно сложная, современная (*modern*), а потому и впечатлительная, а потому опять-таки подверженная архаистическимъ вліяніямъ личность съ могучей волей и рѣшающимъ вліяніемъ. И что бы будущее ни сулило, уже теперь исторически ясно: императоръ одинъ изъ самыхъ интересныхъ и яркихъ представителей извѣстнаго періода германскаго развитія. ...Всѣ его мѣропріятія носятъ

¹⁾ Ср. Prof. *Paul Arndt*: „Deutschlands Stellung in der Weltwirtschaft“, 1912, стр. 55—56 и д.

отпечатокъ идеалистической впечатлительности (*reizsamer Idealismus*). Отсюда его „мировая политика“... ¹⁾

Оставляя въ сторонѣ натянутое и не выдерживающее подробнаго анализа опредѣленіе „идеализма“ и „*reizsamer Idealismus*“, данное Лампрехтомъ, мы должны признать, что „Kaiser“ дѣйствительно представитель современной Германии, типичная фигура ея нынѣшняго поколѣнія. И какъ бы тѣ или другіе культурные нѣмцы или социаль-демократы ни пытались отмежеваться отъ кайзера, онъ—плоть отъ ихъ плоти, ихъ вождь политическій и идейный. Его вѣрованія—вѣрованія народа, его художественный вкусъ—всенародный. Правда, тотъ или иной нѣмецкій эстетикъ возмущается „*Siegesallee*“, считаетъ Антона фонъ-Вернеръ, любимаго придворнаго живописца, или Юсифа фонъ-Лауффа, придворнаго поэта-драматурга, бездарными „византійцами“, но широкія массы нѣмецкаго народа восхищаются „*Siegesallee*“ съ ея бранденбургскими маркграфами въ шлемахъ и высокихъ сапогахъ и патриотическими твореніями Вернеровъ и Лауффовъ, точно такъ же, какъ они восхищаются усами императора („*Es ist erreicht*“), торчащими вверхъ, его рѣчами, его осанкой. Австрійцы тоже любятъ своего императора, но не уважаютъ его. Иные старые швейцары носятъ еще бакены *à la Franz-Joseph*, такъ называемый „*Kaiserbart*“, но этимъ и кончается сфера общественно-психическаго вліянія Франца-Юсифа. Для вѣнцевъ старый императоръ—просто сѣдые бакены имперіи. Къ нимъ какъ-то уже привыкли. Глазу пріятно видѣть ихъ снова. Но на жизнь, на душу они не вліяютъ. Между Шницлеромъ или Гофмансталемъ или Климаномъ и старымъ императоромъ нѣтъ ни единой точки соприкосновенія. Иное дѣло—Вильгельмъ. Онъ даетъ лозунги, его вліяніе рѣшаетъ. Или, можетъ быть, сила его въ томъ, что онъ инстинктивно подхватываетъ лозунги времени, массы. Его лозунгъ это—„*Weltpolitik*“ германской чеканки.

Лампрехтъ противопоставляетъ бисмарковскую, натуралистическую „*Machtpolitik*“ идеалистической „*Weltpolitik*“ Вильгельма. Разберемся въ вопросѣ, въ чемъ „идеализмъ“ этой новой мировой политики. Цѣль здоровой, хотя бы и національно-себялюбивой политики прежде всего и исключительно—обезпеченіе народнаго хозяйства, народнаго благосостоянія, социальнаго развитія и социальной справедливости. Мы прекрасно понимаемъ, что страна, связанная по рукамъ и ногамъ, не имѣющая возможности развиваться, должна искать выхода. Вся политика Сербіи, а отчасти и Австро-Венгрии зиждется на этомъ мотивѣ. Имъ нѣтъ выхода. Или Сербія получаетъ доступъ къ морю, или она—экономическій вассалъ Австріи; Австро-Венгрія опять-таки не можетъ конкурировать съ германской промышленностью, пока у нея нѣтъ такъ на-

¹⁾ Lamprecht, I. c., стр. 32—43.

зываемаго „debouchés“, открытаго пути въ Малую Азію, на востокъ. А путь къ левантійской торговлѣ ведетъ черезъ Сербію.

Въ такомъ ли положеніи Германия? Мы видѣли, что Германия за послѣднія двадцать пять лѣтъ обогнала Францію, обгоняетъ Англию, что ея торговля, ея промышленность занимаютъ второе мѣсто въ мірѣ, что ея благосостояніе возросло. Въ германскихъ сберегательныхъ кассахъ лежатъ двадцать два милліона книжекъ и свыше двадцати милліардовъ марокъ взносовъ (въ Франціи — 15 милліоновъ книжекъ и шесть милліардовъ франковъ сбереженнаго народнаго капитала). Народный доходъ достигъ въ 1913 г.—40 милліардовъ марокъ годовыхъ, (въ 1895 г.—25 милліардовъ мар.), народное состояніе—300 милліардовъ марокъ (въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія — 200 милліардовъ марокъ). Германия богаче Франціи, богаче и Англии. Ея населеніе все растетъ и растетъ (1871 г.—41 милліонъ, 1914 г.—около 67 милліоновъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ смертность уменьшается (1875 г.—смертность составляла 2,93‰, въ 1910 — 1,9‰), благодаря улучшенію гигиеническихъ условій, канализации, благосостоянія, уровня образованія, наконецъ, развитію законодательства о защитѣ материнства, дѣтскихъ пріютовъ, страхования стариковъ и неработоспособныхъ и т. д.¹⁾ Уменьшилась и эмиграція. Въ 1881—1885 г. эмигрировали изъ Германии ежегодно около 200.000 человекъ, въ 1910 г.—не больше двадцати тысячъ. Эмигрируютъ не рабочіе, не нуждающіеся пролетаріи, а коммерсанты, искатели рынковъ и приключеній. Въ самой странѣ недостаточно рабочихъ рукъ. Милліоны русскихъ, галиційскихъ, итальянскихъ рабочихъ находятъ работу въ германскомъ аграрномъ хозяйствѣ, зависящемъ исключительно отъ иностранныхъ рабочихъ рукъ, и въ промышленности. Германия „насыщена“, какъ сказалъ въ свое время Бисмаркъ, насыщена въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Болѣе того, ей предоставляется полная возможность приобрести новые рынки. Ея вывозъ былъ (до войны) обезпеченъ во Францію, благодаря франкфуртскому трактату и включенной въ него „Meistbegünstigungsklamel“, въ Англию благодаря англійской системѣ свободной торговли. Обезпеченъ былъ на продолжительное время и вывозъ въ Россію, пока въ Россіи не развилась достаточно сильная собственная промышленность.

Въ чемъ же тогда смыслъ „Weltpolitik“, заморской, колониальной политики Вильгельма и его эпохи? „Мы хотимъ, чтобы впредь безъ нашего голоса не было принято ни одно рѣшеніе въ міровой политикѣ“, такъ объяснилъ Вильгельмъ въ одной изъ своихъ рѣчей программу „Weltpolitik“. И этимъ онъ обосновалъ свою морскую политику. „Трезубецъ долженъ быть въ нашихъ рукахъ“. Не потому, что онъ необ-

¹⁾ Ср. Fr. Naumann: „Neudeutsche Wirtschaftspolitik“.

ходимъ германскому народу, но исключительно потому, что этого требуетъ германскій империализмъ, воля къ власти. Крылатая слова вродѣ „geranzerte Faust“ не сходили и не сходятъ съ устъ императора. Даже такой умѣренный, не сантиментальный, далеко не агрессивно настроенный дипломатъ, какъ Бюловъ, защищалъ императорскую политику слѣдующими доводами: „Времена политическаго безсилія и униженія не должны вернуться болѣе. Нѣмецкій народъ можетъ отнынѣ стать—*молотомъ или наковальней*“ (рѣчь Бюлова въ рейхстагѣ при обсужденіи второго флотскаго бюджета въ 1899 г.) Когда ставится передъ народомъ дилемма: молотъ или наковальня, то ясно, что онъ предпочитаетъ положеніе молота. И началась бѣшеная „Weltpolitik“, вмѣшательство во всѣ дѣла міра, ненужное расширение колониальныхъ владѣній (напримѣръ, Кіаочао), загражденіе дороги другимъ, даже не конкурирующимъ державамъ, какъ, напримѣръ, Франціи. Можно смотрѣть разное на марокканскую политику французской республики, можно согласиться съ Жоресомъ, что вся эта затѣя была лишняя, что Марокко не стоитъ ни одной капли крови французскаго гражданина, но одно ясно, что французская политика въ Марокко ничуть не мѣшала Германіи, не затрогивала ея политическихъ или торговыхъ интересовъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ „Kaiser“ заговорилъ о недопустимости „тунификаціи Танжера“, всунулъ свой „бронированный кулакъ“ въ колесо европейской политики и довелъ Европу до прелюдіи войны; можно смѣло сказать, что Марокко открыло Европѣ глаза на истинную цѣль германской конквистадорской политики, на ея стремленіе къ гегемоніи и разрушенію съ трудомъ налаженныхъ европейскихъ соотношеній. „Въ англійской печати дѣлаются большія усилія приписать германской политикѣ всевозможныя темныя намѣренія. Я могу отвѣтить, что къ нашему положенію примѣнима поговорка: „*cet animal est très méchant, quand on l'attaque il se défend*“ (Бюловъ: изъ рѣчи въ рейхстагѣ въ 1905 г. при первой „Marokkodebatte“). Вотъ тутъ и ключъ ко всѣмъ дальнѣйшимъ событіямъ. Агрессивная по своему существу Германія облачается въ шкуру невиннаго агнца, на котораго „нападаютъ“. И въ этой подтасовкѣ фактовъ она находитъ оправданіе проявленію инстинктовъ дѣйствительно „*animal très méchant*“...

Я не стану входить въ подробный разборъ всей колониальной политики Германіи за послѣдніе годы и все болѣе и болѣе обострившихся отношеній ея къ Англии. Достаточно указать на то, что эта колониальная, империалистическая политика находила отзвукъ во всей странѣ и во всѣхъ слояхъ, не исключая социалистическихъ. Правда, официально социалисты голосовали противъ увеличенія флота, но лишь официально, поскольку этого требовала марксистская догма. Но по существу и они были согласны съ имперской политикой. Любопытны въ этомъ отноше-

ми разсужденія нѣкоторыхъ „enfants terribles“ партій, какъ, напримеръ, Гильдебранда или Кальвера.

Гильдебрандъ ¹⁾ пытается съ „соціалистической“ точки зрѣнія доказать необходимость и цѣлесообразность германской колониальной политики, исходя изъ экономическихъ соображеній, пассивности нѣмецкаго торговаго баланса. Германия ввозитъ больше, чѣмъ вывозитъ; „кто же можетъ ручаться, что наша экспортоспособность такъ же обезпечена, какъ наша покупательная сила?“ Гильдебрандъ упускаетъ при этомъ изъ виду, что не одна Германия пассивна, но и Франція и Англія, несмотря на свои колоссальныя колоніи, что въ Европѣ среди великихъ державъ лишь одна Россія „активна“. Однако никто не станетъ утверждать, что экономическое положеніе Россіи лучше англійскаго!

Но Гильдебрандъ не обращаетъ вниманія на эти мелочи и идетъ прямо къ цѣли: Германіи нужны колоніи. И не только Германіи, но и Австро-Венгріи, экспоненту Германіи. Австрія имѣетъ „естественныя“ колоніи—„Donauabwärts“, т.-е. Балканы, надо ей только дать возможность завладѣть ими. А Германія? Вѣдь „миръ“ уже занятъ? Вѣдь Германія слишкомъ поздно явилась на нирь. Значитъ, нужно перекроить мировую карту въ пользу Германіи. И онъ указываетъ на „коренную несправедливость“ колониальнаго распредѣленія: англійскія колоніи составляютъ 9399% самой англійской территоріи, бельгійская—8090%, Бельгіи, голландскія—6184%, Франція имѣетъ 1286%, Португалія—2258%, Данія—500%, а Германія всего на всего 491% колониальныхъ владѣній. И тутъ должна вмѣшаться политика справедливаго „соціалистическаго“ распредѣленія. Нужно отнять колоніи у Бельгіи и Португаліи и отдать ихъ Германіи. Политика волка и ягненка подъ соусомъ соціализма.

„Мы за миръ“,—заявляетъ Гильдебрандъ отъ имени соціалистической партіи, но только за миръ на почвѣ равноправія“, иными словами, на почвѣ имперіалистической политики à outrance.

Нѣсколько болѣе сдержанно выражается извѣстный соціалистическій экономистъ Рихардъ Кальверъ ²⁾. И онъ за колониальную „Weltpolitik“, за борьбу противъ Англии, за непрерывное вооруженіе („если Германія дѣйствуетъ на Европу—какъ угроза, то мы объ этомъ крайне сожалѣемъ, но Германія вынуждена выполнить свою мирную работу въ тяжеломъ вооруженіи“); онъ полагаетъ, что Германія не отдала себѣ яснаго отчета, въ чемъ цѣль ея „Weltpolitik“. По его мнѣнію, она состоитъ въ объединеніи средне-европейскихъ странъ—за исключеніемъ Россіи—противъ заморской конкуренціи. Опять-таки въ другой формѣ

¹⁾ *Gerhard Hildebrand*: „Sozialistische Auslandspolitik“, 1911.

²⁾ *R. Calwer*: „Die Konjunktur“, 1911; статьи: Deutsch. Weltpolitik, и др.

та же суть: политическое и экономическое первенство Германии, ея гегемонія. Повидимому, всѣ дороги ведутъ къ—„*imperium germanicum*“...

Стоить ли останавливаться на пангерманистахъ, на политикахъ фразы „жельза и крови“, на тѣхъ, чьей высшей догмой вѣры является: *Deutschland über alles*? Въ прежніе годы Европа надъ ними смѣялась, надъ ними и ихъ угрозами, смѣялась потому, что считала нѣмецкій народъ неспособнымъ на такія глупости и химеры.

И сами благоразумные нѣмцы отрепцивались отъ слишкомъ ярыхъ патриотовъ. „Каждый коммерсантъ скажетъ вамъ, господа,—обращался бывший канцлеръ Бюловъ къ членамъ рейхстага (въ 1903 г.),—что дѣловитость не должна неминуемо сопровождаться грубостью. Постоянная ругань по адресу другихъ государствъ не есть еще доказательство германскаго національнаго сознанія. Шовинизмъ и патриотизмъ отнюдь не тождественны“. Тотъ же Бюловъ торжественно заявлялъ (въ 1905 г.), „что мысль о томъ, будто Германия стремится разгромить морскую мощь Англии, прямо *смѣшина*“.

Но это были лишь слова. На эти слова отвѣчало огромное большинство германской интеллигенціи словами пангерманистовъ: „Будущее Германии требуетъ поглощенія Австро-Венгрии, Балканскихъ государствъ, Турціи и портовъ Сѣвернаго моря. Ея имперія должна распространиться отъ Берлина до Багдада и на востокъ до Антверпена“. И она—весь германскій народъ—мечтаетъ о „разрушеніи британской имперіи“, о власти, о силѣ, о могуществѣ. Не странно ли, что историкъ, какъ Лампрехтъ, ученый съ мировымъ именемъ и интернациональными связями, кончаетъ свою главу о „границахъ имперіи“ („*Aeusserer Politik*“ въ „*Deutsche Geschichte*“, II, 2) проповѣдью пангерманства, поглощенія Бельгии, Голландіи, „германской“ части сѣверной Франціи и т. д., кончаетъ словами Арндта: „*Was ist der Deutschen Vaterland, Das ganze Deutschland soll es sein!*“ „*Das ganze Deutschland*“, т.-е. *Germania irredenta*, всѣ германскія племена подъ эгидой и скипетромъ Германиі.

Или вотъ другой проповѣдникъ всегерманства, „германской идеи“—Пауль Рорбахъ ¹⁾: „Однѣ торговля цифры еще не даютъ народу права на званіе міроваго, для этого нуженъ „*weltpolitischen Geist*“. У насъ большой ввозъ и вывозъ, у насъ корабли, уголь, желѣзо, машины и ткани, но у насъ нѣтъ „*weltpolitischer Geist*“, стремленія, воли къ міровой политикѣ“. И онъ—къ слову сказать, Рорбахъ далеко не реакціонный политикъ, онъ передовой либераль науманновской окраски—призываетъ нѣмецкій народъ къ созданію этой міровой политики, къ распространенію „нѣмецкой идеи“ по всему лицу земли. Какова же эта „идея“? Идея Канта и Фихте? Та „нѣмецкая“ идея, смѣнившая въ свое

¹⁾ P. Rohrbach: „Die deutsche Gedanke in der Welt“. 1912.

время английскую философію утилитаризма и психологизма и французскій, декартовскій рационализмъ? Но вѣдь для этой идеи не нужны ни броненосцы, ни армейскіе корпуса, ни „weltpolitischer Geist“! Она давно завоевала Европу, завоевала ее тогда, когда Германія не была еще великой державой, когда еще вообще не была Германія въ ея современномъ видѣ.

И это время давнымъ-давно прошло. Прошло то время, когда сентиментальный Карлейль могъ говорить о „набожной, добродѣтельной Германіи“ въ противовѣсъ „безбожной, развращенной“ Франціи (въ 1870 г.). Извелись профессора Тейфельсдреки (изъ „Sartor Resartus“), извелись и нѣмецкіе „Wolkenkuckusheime“, цитадели нѣмецкой мечтательности и германскаго идеализма. Осталось только самомнѣніе и то, что Ромэнъ Ролланъ такъ мѣтко охарактеризовалъ въ своемъ „Жанъ-Кристофъ“, какъ „le mensonge allemand“, суррогатъ идеализма, подѣлка подъ истинное чувство, старья, унаслѣдованныя, но потерявшія свою жизненность слова о „міровоззрѣніи“ и т. п. И многіе честные и искренніе нѣмецкіе люди съ сокрушеніемъ видятъ внутренній кризисъ нѣмецкаго духа, то его „отпаденіе отъ себя“, которое предвидѣлъ Гегель.

„Въ дни политической раздробленности,—писалъ извѣстный нѣмецкій критикъ Куртъ Мартенсъ ¹⁾,—мы правда мало чѣмъ могли похвастаться въ политическомъ и экономическомъ смыслѣ—но тогда хвастовство не было въ характерѣ нѣмца. Тогда Германія имѣла свою, врожденную культуру, свой стиль. Нынѣ же Германія—арсеналь, биржа, сумасшедшій домъ, огромная гостиница“.

Опять-таки въ мечтахъ иной нѣмецъ и по сію пору мнитъ себя современникомъ Канта и Фихте. „Я какъ нѣмецъ чувствую себя обновителемъ земли. Мы—нѣмцы—принадлежимъ къ разряду тѣхъ націй, которые умираютъ за другіе народы. Мы—святые и посѣвъ великаго закона возрожденія, мы—дрожжи міра, мы—сосудъ династій“. Такъ мечтаетъ австрійскій поэтъ Гансъ Бартчъ (въ романѣ „Das deutsche Leid“). Мечта, красивая мечта. Но мечта отнюдь не соответствуетъ дѣйствительности. Нѣсколько часовъ ѣзды отъ Граца, родины Бартча, начинается настоящая Германія, истинная нѣмецкая культура, не отживающая, но доживающая, не окрашенная осенней позолотой и романтикой увяданія, а гордая, самонадѣянная, живучая и сильная, покоряющая. И эта культура далеко не мірообновляющая, міроспасаящая.

Культура, духовно съжившаяся, обѣднѣвшая, несмотря на десятки тысячъ ежегодно печатающихся книгъ, несмотря на машины и народное хозяйство и гордую науку. Идеи животворной нѣтъ въ Германіи, оттого

¹⁾ Kurt Martens: „Die deutsche Literatur“, 1900.

и скудость ея культуры. Что дала Германия человечеству за послѣднее время? Каковы ея новые вклады въ сокровищницу человечества? Гдѣ ея литературные, культурные, идейные творцы? Вся ихъ современная литература, все ихъ искусство настоящаго времени—лишь „александрійство“, повтореніе старыхъ и чужихъ мотивовъ. Всѣ лозунги они взяли отъ другихъ—отъ французовъ, бельгийцевъ, скандинавцевъ, наконецъ, отъ русскихъ. Импрессионизмъ, натурализмъ, мистика, богоискательство—все это флореровскіе, метерлинковскіе, ибсенскіе, толстовскіе мотивы. Ихъ душа лишена собственнаго тона. Его заглушилъ голосъ извиѣ, страсть къ наживѣ, къ власти, къ силѣ ради силы. Культуру задушилъ имперіализмъ и джингоизмъ прусскаго типа. Правъ Анри Лихтанберже, утверждая, что „l'imperialisme allemand contemporain a sa source non pas seulement dans le rêve ambitieux d'un souverain, mais dans la volonté de puissance éxaltée de la nation elle même“¹⁾. Изъ всѣхъ богатыхъ и разнообразныхъ мотивовъ Ницше германскій народъ усвоилъ себѣ лишь одинъ: „Wille zur Macht“...

Я уѣхалъ изъ Берлина на второй день послѣ объявленія войны. Я не былъ лично свидѣтелемъ дикихъ сценъ издѣвательства надъ иностранцами, въ особенности надъ русскими. Я и на войнѣ не былъ и объ ужасахъ, творимыхъ въ Бельгій, о всѣхъ преступленіяхъ противъ всякаго человѣческаго и божескаго права, совершенныхъ тамъ нѣмецкими войсками, объ ихъ оскверненіи всѣхъ культурныхъ цѣнностей, топтаніи въ грязь всѣхъ человѣческихъ правъ, основныхъ, неотъемлемыхъ правъ людей, я знаю лишь по газетамъ. Я не хочу судить. Не хочу клеймить весь германскій народъ именемъ: „гунны“. Еще не пришло время подводить итоги и выводить заключенія. И я думаю, что нельзя такъ легко ставить крестъ на огромной странѣ съ сильной и старой культурой. Я думаю также, что полный разгромъ Германіи невозможенъ и нежелателенъ. Но одно необходимо—сдавить ту германскую силу, которая грозой надвигалась на Европу.

Совершается историческая необходимость. Бисмаркъ предвидѣлъ ее. Онъ говорилъ: никогда Европа не позволитъ, чтобы одна какая-либо нація постоянно пѣтушилась“ („walk of the cock attitude“, какъ онъ выразился). Европа не могла снести ни нѣмецкой грубой спеси, ни германской агрессивности, ни ея угрожающей силы. А главное, ея возведенія этой силы въ идею бытія, ея санкціонированія и идеализаціи.

Вундтъ называетъ эту германскую войну „der wahrhafte Krieg“. И всѣ нѣмцы, всѣ въ одинъ тонъ отъ мала до велика, безъ различія

¹⁾ Н. Lichtenberger: „L'Allemagne moderne“, стр. 155, 1907.

культурности и политических воззрѣній, отъ юнкеровъ вплоть до социаль-демократовъ ¹⁾, все солидарны, все кричатъ, что ихъ дѣло правое, что они окружены варварами, врагами, завистниками, что они *должны* побѣдить и проявить себя.

Тѣмъ хуже, тѣмъ тяжелѣе будетъ ихъ пробужденіе. Кто сжигаетъ все мосты за собой, какъ это дѣлаютъ теперь нѣмцы, того можетъ врасплохъ застигнуть бѣшеная волна, стихійный разливъ и—потопить.

А. Коральникъ.

Копенгагенъ. Октябрь.

---

¹⁾ Ср. обширную военную литературу послѣднихъ педѣль въ Германіи: *Wundt*: „Der wahrhafte Krieg“; *Willamowitz*: „Zwei Reden“; *Kautsky*: „Krieg u. Soziald.“ и т. д.

Міровая политика Англії въ германской литературѣ.

Будущій историкъ, которому придется когда-нибудь изучать причины войны 1914 года, вѣроятно, съ изумленіемъ остановится передъ легкомысліемъ, съ которымъ германское правительство толкнуло Германію на міровую войну, въ которой противъ нея сразу оказались въ тѣсномъ союзѣ не только Россія и Франція, но также и Англія. Въ германской политической литературѣ послѣднихъ лѣтъ писалось безконечно много объ англо-германскомъ соперничествѣ и о вызывающихъ его причинахъ, постоянно доказывалась не только возможность, но и вѣроятность и даже неизбежность вооруженнаго столкновения. И если въ ней еще существовало сомнѣніе относительно того, рѣшится ли Англія на единоборство съ Германіей, или, наоборотъ, въ состояніи ли Германія одолѣть въ такомъ случаѣ Англію, то могло считаться совершенно безспорнымъ положеніе, что Англія не упуститъ случая свести счеты съ Германіей, если налицо окажется политическая конъюнктура, при которой Англія пойметъ, что она можетъ это сдѣлать съ минимальнымъ для себя рискомъ. Насчетъ плановъ Англіи по отношенію къ Германіи и пріемовъ, которыми пользуется Англія для борьбы со своими соперниками, въ германской политической литературѣ царило полное единодушіе. Извѣстный германскій писатель по колоніально-политическимъ вопросамъ, Рорбахъ только выразилъ общепризнанную въ Германіи мысль, когда писалъ, что „судьба Германіи роковымъ образомъ связана съ судьбой Англіи“ (das Schicksal Deutschlands ist England). И тѣмъ не менѣе, правительство Вильгельма II, въ какомъ-то совершенно непонятномъ самоослѣпленіи, не только не заботится передъ началомъ войны о достиженіи соглашения съ Англіей, которое обезпечивало бы невмѣшательство Англіи въ европейскую войну, но, напротивъ, начинаетъ войну нарушеніемъ нейтралитета Бельгіи, т.-е. актомъ, который долженъ былъ механически повлечь за собой участіе Англіи въ міровой войнѣ. Крайнее безразсудство такого образа дѣйствія именно съ точки зрѣнія германскихъ интересовъ становится очевиднымъ при

чтения германскихъ политическихъ писателей, занимавшихся проблемами внѣшняго могущества Англіи и англо-германскихъ отношеній. Съ нѣкоторыми изъ этихъ авторовъ мы желаемъ познакомить читателя.

Въ чрезвычайно интересномъ очеркѣ извѣстный историкъ Эрихъ Марксъ ¹⁾ описываетъ ростъ англійскаго государства и политическіе приемы, къ которымъ прибѣгала Англія для того, чтобы сначала завоевать положеніе господствующаго міроваго фактора, а затѣмъ и удержаться на достигнутой высотѣ. Взгляды Маркса на основныя тенденціи англійской внѣшней политики всецѣло усвоены широкими кругами германскаго общества, политическими писателями и активными политическими дѣятелями Германіи. Подъ этимъ угломъ зрѣнія разсматривалась въ послѣднее время въ Германіи вся міровая политика Англіи и англо-германскія отношенія.

Основнымъ моментомъ,—говоритъ Эрихъ Марксъ,—опредѣляющимъ англійскую политику, является очевидно, островной характеръ Британскаго государства. Этотъ характеръ опредѣлился, однако, только въ періодъ реформаціи. До тѣхъ поръ, еще въ послѣдній періодъ Среднихъ вѣковъ, Англія пыталась удержаться на континентѣ и только въ результатѣ многочисленныхъ и продолжительныхъ войнъ съ Франціей Англія должна была отказаться отъ обладанія территоріей на материкѣ Европы. Только съ царствованіемъ Тюдоровъ, и въ особенности Елизаветы, прекращаются эти попытки, и Англія, отказавшись отъ завоеванія на материкѣ, начинаетъ извлекать для себя все выгоды, которыя можетъ дать изолированное положеніе острововъ. Она прежде всего освобождается отъ господства въ ея торговлѣ иностранныхъ—итальянскихъ, германскихъ, голландскихъ—купцовъ, но англійская торговля этимъ не удовлетворяется и начинаетъ искать въ свою очередь господства. Изъ этого стремленія вытекаетъ необходимость для Англіи борьбы со всеми тѣми государствами, которыя занимали доминирующее положеніе въ тогдашней системѣ политическаго господства и міроваго хозяйства.

Первымъ государствомъ, съ которымъ пришлось столкнуться такимъ образомъ Англіи, была Испанія, которая достигла апогея своего могущества во второй половинѣ XVI вѣка. Антагонизмъ политическо-промышленный между Англійей и Испаніей совпалъ въ то же время съ антагонизмомъ между католицизмомъ и реформаціей. Въ этой борьбѣ Англія прибѣгаетъ къ средствамъ, которыя для нея,—говоритъ Марксъ,—типичны. „Пока это было возможно, она прибѣгала къ содѣйствію враговъ Испаніи на континентѣ. Она вступаетъ въ союзъ съ возставшими нидерландцами такъ же, какъ раньше заключала союзъ съ возставшими

¹⁾ *Erich Marcks*: „Die Einheitlichkeit der englischen Auslands politik von 1500 bis zur Gegenwart“; напечатано въ сборникѣ его статей: „Manner und Zeiten“. Leipzig, 1911, т. II, стр. 232—265.

гугенотами, она разжигаетъ повсюду всѣ тѣ смуты, которыя могли бы оказаться опасными для Испаніи, она ищетъ союза съ враждебной Испаніи Франціей послѣднихъ Валуа и Генриха IV, вступаетъ въ сношенія съ заклятымъ врагомъ Испаніи на юго-востокѣ Европы, съ турками, вообще со всякимъ противникомъ Испаніи. И только тогда, когда всѣ эти предварительные шаги ни къ чему не привели, она взялась за борьбу непосредственно и пустила въ ходъ свое собственное оружіе, говоря точно, флотъ. Въ историческихъ сраженіяхъ въ Ламаншѣ, лѣтомъ 1588 года, была разбита испанская армада. Этотъ годъ является началомъ исторіи Англій въ собственномъ смыслѣ этого слова и началомъ новой міровой исторіи вообще. Картина этой борьбы такимъ образомъ слѣдующая: прикрытіе своей политики при помощи континентальныхъ державъ, завоеваніе самой Англійей моря и нанесеніе послѣдняго рѣшительнаго удара на морѣ“.

Въ первой половинѣ XVII вѣка, въ господство Стюартовъ, въ міровой политикѣ Англій наступаетъ нѣкоторое затишье. Въ теченіе этого періода было достигнуто династическое объединеніе Шотландіи съ Англійей, затѣмъ была подчинена и Ирландія. Режимъ Стюартовъ и внутреннія распри парализовали внѣшнюю силу королевства. Только послѣ пуританской революціи 1650 года, она получаетъ новое содержаніе. Вызванная пуританизмомъ нравственная и хозяйственная энергія нашли себѣ проявленіе и во внѣшней политикѣ государства. Революціонное среднее сословіе пуританскаго парламента пошло по стопамъ Елизаветы, снова соединило политику торговли и могущества. На этотъ разъ врагомъ Англій была Голландія. Испанія уже вступила въ періодъ упадка, зато сильно увеличилось могущество Голландіи, которой досталось хозяйственное наслѣдіе ганзейскаго союза. Знаменитый навигаціонный актъ освободилъ англійское мореходство отъ господства голландцевъ. Около 1650 года начинается снова эра большихъ войнъ, Англія борется еще съ Ирландіей и съ Испаніей, причемъ борьба уже охватываетъ все большій районъ. Она ведется уже въ Средиземномъ морѣ, въ Вестъ-Индіи, въ то время, какъ войска Кромвеля дерутся на сушѣ въ союзѣ съ французами противъ испанцевъ. Политика Кромвеля вдохновлялась въ одинаковой мѣрѣ религіозно-идеалистическимъ энтузіазмомъ реформаціи и реальными торговыми интересами Англій.

Но главный ударъ Кромвеля былъ все же направленъ противъ протестантской Голландіи. И любопытно, что именно въ этомъ направленіи политика революціи продолжалась возстановленной монархіей. Карлъ II продолжалъ колониальную политику революціи за океаномъ и прежде всего борьбу съ Голландіей. При этомъ Англія прибѣгаетъ къ тому же приему, что въ вѣкѣ Елизаветы. Она заключаетъ союзъ съ врагомъ своего врага, т.-е. съ военной французской монархіей, для

борьбы сначала съ Испаніей, а потомъ съ Голландіей. Ей не удается совершенно разгромить Голландію, но она низводитъ ее всетаки съ того уровня, на который она поднялась, и Голландія съ тѣхъ поръ становится второстепеннымъ въ сравненіи съ Англійей, политическо-торговымъ государствомъ.

Но тутъ наступаетъ поворотъ англійской политики, который вызванъ усиленіемъ Франціи. Въ четверть вѣка, начинающуюся съ 1660 годомъ, Людовикъ XIV и его страна достигаетъ кульминаціонной точки своего развитія. Испанское могущество было разрушено, австрійское осталось далеко позади и преобладаніе Людовика на континентѣ стало безспорнымъ. Въ то же время Кольберъ довелъ внутреннюю работу меркантилистическаго абсолютизма до высокаго уровня. Торговля и промышленность Франціи также стремились къ завоеванію міра, видѣли, подобно Англии, въ Голландіи своего врага и такъ же, какъ она, стремились къ морскимъ завоеваніямъ. При Кольберѣ Франція простерла руки до Канады и Остъ-Индіи. Франція желала завладѣть, какъ нѣкогда Испанія, бельгійскимъ и голландскимъ побережьемъ. Экономически она была несравненно сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было Испанія и въ то же время была оплотомъ католицизма, подобно монархіи Карла V и Филиппа II.

Недавно еще союзная Франція такимъ образомъ оказалась величайшей соперницей Англии. Французскія колоніальныя владѣнія начинаютъ сталкиваться съ англійскими, французская торговля вступаетъ въ коллизію съ англійской, французское могущество на Рейнѣ и приближеніе Франціи къ Ламаншу становятся опасными для Англии, а къ тому же французскій католицизмъ является угрозой англійскому пуританизму. Партія виговъ, которая опиралась на лондонскихъ торговцевъ и промышленниковъ и на работающее на вывозъ крупное землевладѣніе, стала поэтому партіей войны съ Франціей. Такимъ образомъ, съ 1689 года начинается борьба между Англійей и Франціей, которая кончается только въ сущности въ 1815 году. Въ теченіе этихъ 126 лѣтъ Англія участвовала во многихъ войнахъ, черезъ которыя проходитъ одной изъ наиболѣе замѣтныхъ нитей все та же борьба между Англійей и Франціей. Во всѣхъ этихъ войнахъ, получившихъ разное наименованіе: пфальцской (1689—1697 гг.), войны за испанское наслѣдство (1701—1713 гг.), войны за австрійское наслѣдство (1739—1748 гг.), Семилѣтней (1756 — 1763 гг.), войны съ отпавшими Соединенными Штатами (1775—1783 гг.), затѣмъ войны съ революціонной Франціей и Франціей Наполеона I, Англія участвовала въ качествѣ члена разныхъ коалицій, но для нея при этомъ основной цѣлью являлось ослабленіе Франціи. Конечно, Англія не вызывала всѣхъ этихъ войнъ. Онѣ являлись результатами многочисленныхъ государственныхъ и національ-

ныхъ антагонизмовъ на материкѣ. Но Англія всегда пользовалась ими въ своихъ интересахъ, т.-е. прежде всего для борьбы съ Франціей, и для этого прибѣгала къ союзникамъ, какъ раньше въ борьбѣ съ Испаніей и Голландіей. Она рѣдко выставляла собственныя арміи на континентѣ и даже въ тѣхъ англійскихъ войскахъ, которыя сражались на материкѣ Европы подъ Вильгельмомъ III и Мальбро, Георгомъ II и Веллингтономъ, солдаты большей частью были не англійскаго происхожденія. Самыя тяжелыя задачи на материкѣ она обыкновенно предоставляла своимъ союзницамъ и, такимъ образомъ, она всегда достигала благопріятныхъ результатовъ съ наименьшей затратой силъ. Въ союзѣ съ Англіей противъ Франціи была Голландія, иногда Россія, Пиренейскія, итальянскія и разныя германскія государства до Пруссіи включительно, но больше всего ей помогаль на сушѣ, историческій врагъ Франціи—Австрія. Вѣна и Лондонъ были солидарны противъ Парижа и только въ Семилѣтней войнѣ, въ силу совершенно особыхъ условій, Австрія оказалась рядомъ съ Франціей, въ то время какъ Пруссія боролась въ союзѣ съ Англіей. Англійское господство становилось все сильнѣе, европейскія государства были безсильны освободиться изъ-подъ ига этой послѣдовательно проводимой политики Англіи. Былъ моментъ, когда Наполеонъ могъ разсматриваться, какъ главный защитникъ Европы отъ политическаго и экономическаго захвата Англіи, но неумѣренность французскаго императора снова толкнула европейскія государства въ лагерь Англіи. Никогда островное положеніе Англіи не давало ей такихъ преимуществъ, какъ тогда: Ламаншъ и Нельсонъ дѣлали ее неуязвимой. Но орудіемъ ея нападенія и на этотъ разъ были войска континентальныхъ державъ. До мира 1815 года, Англія была самымъ упорнымъ врагомъ Франціи и поэтому занимала первое мѣсто среди государствъ, побѣдившихъ Наполеона.

Послѣ окончательной побѣды надъ Франціей наступаетъ періодъ сравнительнаго затишья. У Англіи долго не оказывается равносильнаго соперника. Ея промышленность растетъ необыкновенно быстро, ея колоніи охватываютъ весь міръ. Ея владѣнія въ Азіи, Африкѣ, Австраліи, Америкѣ и Тихомъ океанѣ образуютъ, въ полномъ смыслѣ слова, мировую имперію, такъ что она можетъ безъ горечи примириться съ потерей Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Только ко второй половинѣ XIX вѣка передъ Англіей оказывается другая мировая держава, которая становится опасной соперницей на Ближнемъ востокѣ и въ Азіи. Эта держава—Россія. Слѣдуя своимъ традиціямъ въ политикѣ, Англія содѣйствуетъ образованію коалиціи противъ Россіи. Происходитъ Крымская кампанія, во время которой главной союзницей Англіи оказывается ея историческая соперница Франція. Россіи былъ тогда нанесенъ сильный ударъ, однако оказавшійся не настолько окончатель-

нымъ, какъ думала Англія. Уже русско-турецкая война доказала, что Россія возродилась. Англія опять начала искать союзницъ на континентѣ, которыя, въ случаѣ надобности, могли быть двинуты противъ Россіи. Наболѣе подходящей казалась ей одно время для этой цѣли Германія. Но быстрый ростъ Германіи въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ сдѣлалъ и Германію опасной соперницей Англіи. Въ интересахъ дальнѣйшаго ослабленія Россіи былъ поэтому использованъ антагонизмъ между Россіей и Японіей. Въ 1902 г. былъ заключенъ союзъ съ Японіей, оказавшійся однимъ изъ подготовительныхъ этаповъ русско-японской войны.

Въ послѣдній періодъ борьбы съ Россіей у Англіи появилась новая соперница, Германія, которая, въ особенности послѣ пораженія Россіи въ русско-японской войнѣ, заняла первое мѣсто среди державъ, съ которыми Великобританской Имперіи приходится бороться. Германія сдѣлала чрезвычайно быстрые успѣхи въ торговлѣ и промышленности и въ то же время дѣлала планоуѣрныя усилія стать колониальной имперіей. И то и другое приводило къ столкновенію интересовъ Германіи и Англіи, и такимъ образомъ постепенно основнымъ вопросомъ англійской внѣшней политики стала борьба съ Германіей. Наступилъ періодъ политики короля Эдуарда VII, которую нѣмцы называютъ „Einkreisungspolitik“, т.-е. политики окруженія, изоляціи Германіи. Когда, при помощи Японіи, Англіи удалось приостановить агрессивную политку Россіи въ Азіи и исчезъ такъ долго пугавшій англійское общественное мнѣніе страхъ передъ русскимъ вторженіемъ въ Индію, Англія могла даже заключить соглашеніе 1907 г. съ Россіей, съ которой она до тѣхъ поръ такъ долго боролась. Этому соглашенію предшествовало еще раньше соглашеніе съ еще болѣе старой исторической соперницей Англіи, Франціей. Другими словами, Англія слѣдовала по отношенію къ Германіи испытаннымъ приемамъ своей политики, т.-е. она искала повсюду союзницъ для борьбы съ занявшей доминирующее положеніе въ міровой политикѣ Германіей. По выраженію Маркса, въ политикѣ Англіи начала XX вѣка по отношенію къ Германіи воскресла картина международныхъ отношеній XVIII в., т.-е. вѣка борьбы между Англіей и Франціей.

Такова схема англійской внѣшней политики, которую даетъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ германскихъ историковъ. Было бы ошибочно видѣть въ разсужденіяхъ Маркса тенденціозное пзвращеніе фактовъ ученымъ, проникнутымъ непріязнью къ Англіи. Достаточно сопоставить разсужденія Маркса съ знаменитымъ курсомъ лекцій профессора Сили (I. R. Seeley) объ исторіи расширеній Англіи, чтобы видѣть полное совпаденіе хода мыслей у англійскаго и германскаго ученыхъ. ¹⁾ Говоря,

¹⁾ Цитируемъ по русскому переводу: „Расширеніе Англіи“. Спб., 1903 г.

напримѣръ, объ Англіи XVIII вѣка, Сили пишетъ: „Революція 1888 г. открыла войну, которую я называю второй Столѣтней войной между Франціей и Англіей. Англія имѣла рядъ цвѣтущихъ колоній, тянущихся отъ сѣвера къ югу вдоль восточнаго берега Америки, Франція обладала двумя великими рѣками: рѣкой св. Лаврентія и Миссисипи... Франція и Англія не только въ Америкѣ, но и въ Азіи подвигались бокъ-о-бокъ... Въ Индіи французы гораздо сильнѣе опередили англичанъ, чѣмъ въ Сѣверной Америкѣ... Фактъ непосредственнаго состязанія изъ-за приза неисчислимой стоимости, вполне достаточно объясняетъ, почему возгорѣлась между Франціей и Англіей вторая Столѣтняя война. Этотъ фактъ является коренной причиной войны, хотя истинная почва раздора не всегда была ясна даже для самихъ воюющихъ, а еще менѣе для остального свѣта. Въ этомъ вѣкѣ, какъ и въ другихъ, между такими близкими сосѣдями часто возникали случайныя причины разногласій, сами по себѣ достаточныя для объявленія войны... Въ войнахъ съ Людовикомъ XIV и въ позднѣйшихъ, противъ французской революціи, какъ выясняется по внимательному изученію, истиннымъ яблокомъ раздора между Англіей и Франціей въ гораздо большей степени, чѣмъ можно было предположить, является Новый Свѣтъ. Колоніальный вопросъ все больше и больше разрастался въ теченіе всего XVII столѣтія, тогда какъ другой жгучій вопросъ того вѣка, споръ между двумя вѣроисповѣданіями, отступалъ на задній планъ. Такъ, читая о войнѣ Кромвеля съ Испаніей, мы задаемъ себѣ вопросъ: на кого нападаетъ Кромвель, на великую католическую державу или на обладательницу Новаго Свѣта? Въ томъ же вѣкѣ двѣ великія протестантскія державы, Англія и Голландія, которыя должны были бы въ интересахъ религіи, итти рука объ руку, оказываются ведущими жестокаго войны, какъ двѣ соперничающія колоніальныя державы. Открытіе и заселенія Луизианы 1683 г. выдвигаютъ Францію въ первую изъ колоніальныхъ державъ,—и что же? Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого начинается „вторая Столѣтняя война“ между Франціей и Англіей...“ „Въ англійскихъ войнахъ противъ французской революціи Наполеона обладаніе Новымъ Свѣтомъ было всегда одной изъ основъ вражды. Въ американской войнѣ Франція мститъ Англіи за свое изгнаніе изъ Новаго Свѣта; при Наполеонѣ она употребляетъ титаническія усилія, чтобы вернуть тамъ свое утраченное положеніе. Такова именно точка зрѣнія, которой Наполеонъ держится относительно Англіи. Онъ видитъ въ ней не островъ, не европейское государство, а міровую имперію, цѣлую сѣть зависимыхъ владѣній, колоній и острововъ, на одномъ изъ которыхъ ему самому суждено было впоследствии найти себѣ темницу и могилу. Когда въ 1798 году ему была поручена война съ Англіей, онъ, конечно, прежде всего обратилъ вниманіе на Ламаншъ и Ирландію. Однако то, что онъ увидѣлъ тамъ, его не удовлетворило.

А между тѣмъ нѣсколькими мѣсяцами позже въ Ирландіи вспыхнуло страшное возстаніе и если-бъ въ это время побѣдитель Италіи неожиданно высадился тамъ во главѣ французской арміи, онъ нанесъ бы Англии самый тяжелый ударъ, какой она когда-либо испытала. Однако мысли Наполеона были заняты другимъ. Онъ помнилъ, какъ близка была Франція одно время къ покоренію Индіи, пока Англія не приостановила ея успѣховъ, а потому онъ рѣшилъ и убѣдилъ въ томъ директорію, что лучший способъ борьбы съ Англіей представляетъ занятіе Египта и одновременное подстрекательство султана Типу къ войнѣ съ калькутскимъ правительствомъ... Когда война эта окончилась Амьенскимъ договоромъ въ 1802 г., оказалось, что результатъ ея составляетъ знаменательную эпоху въ исторіи Великобританіи. Прежде всего Египетъ былъ совершенно очищенъ Франціей и планъ нападенія на Индійскую имперію, задуманный Бонапартомъ, не удался. Союзникъ его Типу, „гражданинъ Типу“, какъ его называли, потерпѣлъ поражение и былъ убитъ“. ¹⁾

Въ другомъ мѣстѣ своей книги Сили, рассматривая различныя фазы расширенія Англии, говоритъ, что исторія этого процесса начинается съ того, что онъ называетъ „ученическимъ періодомъ“, т.-е. эпохой, въ теченіе которой „Англія постепенно находитъ свое призваніе къ морю“. Она начинается открытіями Колумба и Васко-де-Гама. „Испанская армада отмѣчаетъ конецъ этого подготовительнаго ученическаго періода, внутреннее превращеніе націи завершено. Она повернулась спиной къ матеріку Европы и смотритъ на океанъ и на Новый Свѣтъ, она сдѣлалась одновременно морской и промышленной страной“. Слѣдующая за англійской революціей фаза развитія является поединкомъ съ Голландіей. „Этотъ поединокъ долженъ быть собственно отнесенъ къ первой половинѣ царствованія Карла II, ибо тогда онъ занимаетъ авансцену исторіи, но онъ начался гораздо раньше, при избіеніи въ Амбойнѣ 1623 г., и достигъ высшаго развитія во время республики. Можно сказать, что поединокъ окончился въ 1674 г., когда Карлъ II отступается отъ Голландіи, на которую онъ нападалъ совмѣстно съ Людовикомъ XIV... Этотъ моментъ былъ началомъ упадка Голландіи; правда, и въ этой второй борьбѣ она снова выказала прежнее геройство, но прежнее счастье ее покинуло. Теперь она не могла уже разбогатѣть отъ войны, какъ это было послѣ предыдущей борьбы. Она вела теперь войну не съ Испаніей, обладательницей безчисленныхъ колоній, которыя Голландія могла безнаказанно грабить, а съ бѣдной колоніями Франціей; флотъ ея уже не могъ такъ безопасно плавать по морямъ: онъ встрѣчался съ могучими морскими силами Англии, а самому источнику ея богатства,—кораблестроительной промышленности,—былъ нанесенъ ударъ англійскимъ актомъ

¹⁾ Стр. 29 русскаго перевода.

о навигаціи. Поэтому, хотя Голландія отстояла себя и вслѣдъ затѣмъ снова пережила эпоху великихъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе упадокъ ея уже наступилъ“. ¹⁾

Слѣдующей фазой является періодъ борьбы съ Великой Франціей, созданной Кольберомъ. Вотъ какъ описываетъ Сили одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы—участіе Англии въ войнѣ за испанское наслѣдство. „Для Англии эта война была такою блестящей, она носитъ такое громкое названіе—война за испанское наслѣдство, и окружена такимъ монархическимъ ореоломъ, что кажется намъ истиннымъ примѣромъ фантастическихъ, варварскихъ, опустошительныхъ войнъ стараго времени. Въ дѣйствительности же это была одна изъ наиболѣе дѣловыхъ войнъ Англии и велась въ интересахъ англійскихъ и голландскихъ купцовъ, которыхъ торговля и благосостояніе находились въ опасности. Всѣ колониальные вопросы, питавшіе раздоры Европы съ самаго открытія Америки, сразу выдвинулись впередъ, сразу назрѣли при перспективѣ союза между Франціей и Испанскою имперіей, ибо такой союзъ повлекъ бы за собою закрытіе почти всего Новаго Свѣта для англичанъ и голландцевъ и открылъ бы его для соотечественниковъ Кольбера, которые тогда были заняты изслѣдованіями и заселеніемъ рѣки Миссисипи. Позади всего придворнаго блеска *grand siècle* коммерческія соображенія правятъ міромъ такъ, какъ никогда раньше имъ не правили, и продолжаютъ править имъ въ теченіе значительной части открывающагося затѣмъ прозаическаго столѣтія“. ²⁾

„Индія вовлекаетъ Англію въ постоянное соперничество съ Россіей, которое для Англии въ девятнадцатомъ столѣтіи является тѣмъ же, чѣмъ было для нея соперничество Франціи изъ-за Новаго Свѣта въ восемнадцатомъ“. ³⁾

Приведенныхъ нами выписокъ изъ лекцій Сили достаточно для того, чтобы показать, что Эрихъ Марксъ не извращалъ въ угоду германской точкѣ зрѣнія хода исторіи Англии. Мы видѣли, что описанія процесса расширенія Англии у германскаго историка и у Сили совпадаютъ почти буквально. Англійскій историкъ только ничего не говорилъ о Германіи, такъ какъ въ то время, когда онъ читалъ свои лекціи (начало 80-хъ годовъ прошлаго вѣка), для Англии „германская опасность“ еще не существовала. Англо-германскій антагонизмъ приобрѣлъ свою крайнюю остроту лишь *въ началѣ XX вѣка*.

Мысли, изложенныя въ такой мѣткой и сжатой формѣ у Эриха Маркса, встрѣчаются почти у всѣхъ германскихъ и австрійскихъ писателей по

¹⁾ Ibid., стр. 100.

²⁾ Ibid., стр. 103, 104.

³⁾ Ibid., стр. 150.

политическимъ вопросамъ въ послѣднее время. Но, конечно, далеко не всѣ проявляютъ такое безпристрастіе и миролюбіе, какъ Марксъ. Германскій историкъ, рисуя чрезвычайно рельефно обостреніе англо-германскаго соперничества, всетаки не отказывался отъ надежды, что этотъ антагонизмъ не приведетъ къ вооруженному столкновению обоихъ государствъ. Въ другой своей работѣ, посвященной взаимоотношенію Англии и Германіи со временъ реформации, ¹⁾ Эрихъ Марксъ, подчеркивая необходимость для современной Германіи міровой политики, въ то же время доказываетъ, что Германія не можетъ желать истребленія Англии и что точно такъ же и Англія не можетъ стремиться къ уничтоженію Германіи. Другіе же германскіе писатели, разсматривавшіе внѣшнюю политику Англии, очень часто впадаютъ въ банальное и бессмысленное англофобство. Ростъ британской колониальной имперіи начинается имъ казаться результатомъ какого-то дьявольскаго коварства Англии, которая будто бы только то и дѣлаетъ, что въ теченіе столѣтій старается всѣ государства ссорить другъ съ другомъ для того, чтобы, пользуясь борьбой между ними, извлекать для себя наибольшую выгоду. вмѣсто того чтобы видѣть основную причину колониальныхъ успѣховъ Англии въ фактѣ, который съ такой ясностью констатируетъ Сили, а именно въ томъ, что Англія, въ силу своего островного положенія была менѣе связана территоріально со Старымъ Свѣтомъ, чѣмъ другія колониальныя государства Европы, и поэтому не должна была постоянно раздвигать своихъ силъ между расширеніемъ въ Америкѣ, Азіи и т. д. и европейскими войнами, которыя велись изъ-за обладанія разными частями Европы такими государствами, какъ, на примѣръ, Франція или Испанія, эти писатели сводятъ всю міровую исторію послѣднихъ столѣтій къ какимъ-то подлогамъ „коварнаго Альбіона“.

Для характеристики этого направленія мы укажемъ очень любопытную статью извѣстнаго своими англофобскими воззрѣніями австрійца А. фонъ-Пеетца, подъ названіемъ „Англія и континентъ“, напечатанную въ „Österreichische Rundschau“ въ выпускѣ отъ 1-го августа 1909 года. „Когда Англія, — пишетъ онъ, — которая съ радостью привѣтствовала, можетъ быть даже вызвала, войну Японіи съ Россіей, послѣ Портсмутскаго мира подала руку Россіи, она это сдѣлала не только для того, чтобы отвлечь Россію отъ Дальняго Востока и Индіи, но также и для того, чтобы вернуть Россію къ ея „собственному“ полю дѣятельности, къ Ближнему Востоку. У Англии не было возможности остановить расширеніе вліянія Германіи и Австріи на Балканскомъ полуостровѣ. Такимъ заслономъ должна была стать Россія. Когда обѣ имперіи средней Европы

---

¹⁾ „Deutschland und England in den grossen Krisen der Reformation“, напечатано въ томъ же сборникѣ этюдовъ Маркса „Manner und Zeiten“, т. II, 1911 г., стр. 199—230.

и Россія вѣпятыя другъ другу въ волосы изъ-за Балканскаго полуострова, *tertius gaudens* будетъ Англія. Отказъ Россіи отъ мюрцштегской программы... былъ поэтому большою побѣдой для Англіи, за которую она уже уплатила частью персидской добычи... Англійская дипломатія такимъ образомъ создала на Ближнемъ Востокѣ положеніе, при которомъ Россія во всякомъ случаѣ является противовѣсомъ противъ имперіи Габсбурговъ и ея союзницы. Въ Персидскомъ и Арабскомъ заливахъ Великобританія является уже теперь господствующимъ факторомъ. Осторожно и медленно Англія привлекаетъ на свою сторону правящіе въ тѣхъ странахъ элементы и приучаетъ ихъ видѣть въ Англіи повелительницу... Трудно еще сказать, насколько прочна уже основа англійскаго господства въ Персіи, Месопотаміи и Аравіи, но едва ли существуетъ гдѣ-нибудь, кромѣ Россіи, въ Европѣ и Азій политикъ, для котораго не было бы ясно, что не Россія въ концѣ-концовъ будетъ властвовать въ Персіи. Занятіе Бушира въ то время, когда англійская печать съ такою страстностью нападала на Австрію за аннексію Босніи, является уже подчиненіемъ Англіи важной гавани и узлового пункта персидской торговли. Аравія все больше подпадаетъ подъ англійское господство. Въ Европѣ Аравіи придаютъ мало значенія, упуская изъ виду, что уже Александръ Македонскій желалъ изъ нея сдѣлать центръ своей міровой имперіи.

„Обладаніе Аравіей дастъ ей и святые мѣста магометанъ, Мекку и Медину, и она, такимъ образомъ, получитъ возможность пустить въ ходъ противъ стамбульскаго халифа—халифа меккскскаго и александрійскаго“.

„Константинополь уже не имѣетъ теперь того значенія, котораго было ему присуще раньше. Его роль и теперь еще велика въ качествѣ звена, связующаго Европу съ Азіей, и въ качествѣ затвора для Чернаго моря. Но для Англіи обладаніе имъ не представляетъ необходимости. Англія желаетъ лишь того, чтобы Константинополь не попалъ въ другія энергичныя руки и не сталъ центромъ жизнеспособной культуры и промышленной дѣятельности, который былъ бы въ состояніи стать конкурентомъ для Англіи въ Персіи, Месопотаміи и Аравіи и помѣшать распространенію британскаго вліянія отъ Индійскаго океана до Средиземнаго моря. Главной задачей Англіи является стремленіе по возможности затруднить сообщеніе другихъ народовъ съ Азіей. При помощи японскаго оружія ей уже удалось лишить сибирскую дорогу самыхъ заманчивыхъ ея видовъ на будущее. Теперь ея ненависть направлена противъ багдадской дороги... Съ этой цѣлью она создала рядъ колецъ вокругъ Золотога Рога: первое состоитъ во враждѣ между Россіей и государствами средней Европы, второе—въ антагонизмѣ между османами и арабами. Къ этому присоединяется еще опасность на флангахъ Австріи со стороны Италіи и Сербіи. Поэтому Англія от-

носятся дружелюбно къ Турціи и къ ея халифу только до тѣхъ поръ, пока они слабые и послушные. Усиленіе же Турціи встрѣтитъ самаго опаснаго врага въ лицѣ Англи, а на попытку стамбульскаго халифа стать самостоятельнымъ Англія отвѣтила бы провозглашеніемъ его соперника въ Египтъ или Меккѣ“.

„Нѣсколько аналогично отношеніе Англіи и къ Россіи. Пока она занята борьбой съ другими соперниками, она ухаживаетъ за русскими и готова оказывать имъ даже знаки вниманія. Она даже сейчасъ готова была признать для себя полезнымъ занятіе русскими Константинополемъ. Но причина этого является весьма мало лестной для Россіи. Она заключается только въ томъ, что, по мнѣнію Англіи, русскіе еще долго не будутъ въ состояніи установить прочное господство на берегахъ Босфора. Способнымъ къ исполненію такой задачи Англія считаетъ въ настоящее время только германскій элементъ, который въ лицѣ обѣихъ имперій Средней Европы, былъ бы въ состояніи создать для Придунайскихъ странъ и для Балканскаго полуострова въ Стамбулѣ или въ Салоникахъ центръ культуры и міровой торговли... Отсюда вытекаетъ недобѣріе, съ которымъ Англія относится къ аннексіи Босніи Австріей и т. д.“.

„Англійская политика уже въ теченіе вѣковъ находится по ту сторону добра и зла и приняла характеръ стихійныхъ силъ, которыя никогда не колеблются въ своихъ цѣляхъ и только мѣняютъ по мѣрѣ надобности средства... Владѣнія Англіи растутъ непрерывно. За послѣднія 50 лѣтъ они увеличились почти наполовину. Римская имперія занимала четыре милліона квадратныхъ километровъ, Англія занимаетъ пространство въ семь разъ большее. Въ то время, когда Римская имперія насчитывала 120 милліоновъ жителей, въ британскихъ владѣніяхъ теперь—360 милліоновъ. Великобританская метрополія господствуетъ надъ пространствомъ, которое въ девяносто разъ больше ея самой, и на каждого британца приходится восемь подданныхъ... Великобританія достигла такихъ результатовъ благодаря своему могуществу на морѣ и отсутствію единства на европейскомъ континентѣ... Войны на европейскомъ материкѣ поэтому всегда приносятъ обильную жатву Великобританіи. Англійская политика понимала это уже въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Тридцатилѣтняя война въ Средней Европѣ вызвала эмиграцію на великобританскіе острова части лучшихъ рабочихъ силъ и искавшихъ спасенія капиталовъ и, такимъ образомъ, сдѣлала возможнымъ промышленное развитіе страны, въ которой до тѣхъ поръ были только господа и рабы! Объ этой эпохѣ англійскій историкъ говоритъ, что „никогда не ощущалось болѣе замѣтнаго роста всѣхъ тѣхъ преимуществъ, которыя характерны для просвѣщеннаго народа“.

„Уже Кантъ сказалъ, что „англійская нація, рассматриваемая, какъ

народъ самъ по себѣ, является самой цѣнной совокупностью людей во взаимныхъ отношеніяхъ между собой; но разсматриваемая, какъ государство по отношению къ другимъ государствамъ, она является самой пагубной, насильнической, деспотической и наиболѣе войнoвозбуждающей (kriegserregend) изъ всѣхъ“. Точно такъ же и американецъ Эмерсонъ, глубокій поклонникъ и искренній другъ Англіи, пишетъ, что „этихъ любящихъ свою родину людей характеризуетъ честность въ частной жизни и коварство въ общественной...“

„Въ теченіе одного поколѣнія Англія переносила по меньшей мѣрѣ трижды свою любовь съ турокъ на славянъ, съ магометанъ на христіанъ и наоборотъ. Она рада тому, кто служитъ ея интересамъ, но лишь только мѣняется политическая конъюнктура, союзникъ теряетъ значеніе и предоставляется своей собственной участи... Кромѣ своихъ колоній, она привязала къ себѣ рядъ второстепенныхъ государствъ: Португалію, Норвегію, Данію, Испанію и Голландію и въ то же время стремится усилить свое вліяніе, исходящее изъ Индіи, Аравіи, Египта, Персіи, Кипра и Мальты. Маленькая Европа охватывается такимъ образомъ съ двухъ сторонъ, съ сѣверо-запада и съ юго-востока“.

Крайности, въ которыя впадаетъ Пеетцъ, очевидны, но онѣ тѣмъ не менѣе характерны для всего этого направленія, такъ какъ показываютъ, какихъ размѣровъ достигало въ извѣстныхъ кругахъ Германіи и Австріи убѣжденіе въ агрессивныхъ планахъ Англіи. Австрійскій историкъ Фридьонгъ, являющійся однимъ изъ идеологовъ нео-австрійскаго империализма, сыгравшаго такую большую роль въ идейной подготовкѣ нынѣшней міровой войны, называетъ статью Пеетца „однимъ изъ лучшихъ политическихъ этюдовъ, написанныхъ въ послѣдніе годы въ Германіи“. Уже это одно свидѣтельствуетъ, что англофобскіе взгляды, подобные выраженнымъ въ статьѣ Пеетца, раздѣлялись въ широкихъ слояхъ германскаго и австрійскаго общества. Поэтому, можетъ быть, будетъ уместно привести здѣсь статью, не впадающую въ такіа очевидныя преувеличиванія, но тѣмъ не менѣе ставящую очень опредѣленно вопросъ объ англо-германскомъ антагонизмѣ. Статья принадлежитъ перу анонимнаго германскаго дипломата, занимающаго выдающееся положеніе въ германскомъ дипломатическомъ корпусѣ, неоднократно высказывавшагося на страницахъ „Oesterreichische Rundschau“ по вопросамъ международной политики.

„Англичанамъ удалось,—пишетъ германскій дипломатъ ¹⁾,—въ теченіе многолѣтней борьбы установить безпримѣрное въ исторіи господство на морѣ. Въ продолженіе многихъ войнъ, полныхъ трудовъ и заботъ, нація обнаружила такое величіе и такую готовность къ самопо-

1) „Oesterreichische Rundschau“, 1 März 1912, стр. 325—331.

жертвованію, а ея государственные люди столько предусмотрительности и дальновидности, что всякое соперничество было устранено... На-ряду съ военнымъ господствомъ на морѣ развилась и міровая торговая монополія Англи. Лондонская биржа стала всемірнымъ банкиромъ. Въ предѣлахъ Британской имперіи солнце въ дѣйствительности не заходило, и подобно тому, какъ Великобританія была поставщицей машинъ и мануфактурныхъ товаровъ для всей Европы, и британскія колоніи снабжали ее колониальными продуктами. Это исключительное положеніе стало еще болѣе выгоднымъ послѣ наполеоновскихъ войнъ. Еще въ 50-ые и 60-ые года прошлаго вѣка континентальныя государства, за исключеніемъ развѣ Франціи и Голландіи, были настолько бѣдны капиталомъ и предприимчивостью, что у Англии почти не было конкурентовъ. Старшія поколѣнія еще помнятъ, что во многихъ городахъ на континентѣ газъ, водопроводъ и трамвай проводились англійскими капиталистами, что всѣ лучшіе товары, въ особенности мануфактурные и металлургическіе, получались изъ Англии. Постепенно, однако, наступаетъ переворотъ. Англія не только теряетъ германскій рынокъ, но и на другихъ рынкахъ германскій фабрикантъ и промышленникъ становится непріятнымъ конкурентомъ. Наконецъ, у самой Англии продукты германской промышленности начинаютъ завоевывать себѣ рынокъ, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, въ особенности въ области химической и электрической промышленности, Германія завоевала себѣ даже господствующее положеніе. До тѣхъ поръ англійскому торговому судоходству принадлежала монополія перевоза грузовъ въ Атлантическомъ океанѣ, но вдругъ является соперникъ, корабли котораго не уступаютъ англійскимъ въ скорости и точности. Особенно непріятно поразило Англию, что „гамбургско-американская линія“ („Нараг“) очень скоро стала первымъ парходнымъ предпріятіемъ цивилизованнаго міра. Англии, такимъ образомъ, часто наносился матеріальный ущербъ, во всякомъ же случаѣ ей пришлось уже всегда изъ опасеній германской конкуренціи работать нитенсивнѣе, лучше и дешевле, чѣмъ до сихъ поръ... По производству желѣза, которое можетъ считаться показателемъ значенія въ промышленности, Германія превосходитъ теперь Англию, и въ добычѣ угля тоже къ ней приближается. На всѣхъ моряхъ развивается германскій флагъ, германскія кабельныя линіи разрушили прежнюю англійскую монополію, въ Азіи и Африкѣ Германіей были пріобрѣтены колоніи, имѣющія существенное значеніе.

Хуже всего, однако, казалось въ Англии то, что Германія создала военный флотъ и перенесла на свои морскія силы традиціи дисциплины, преданности долгу и дѣльности, которыя присущи ея арміи. Все это вызывало сильное неудовольствіе въ Англии, создавало въ ней въ народныхъ массахъ воинственное настроеніе, которое передавалось и нѣкоторымъ политикамъ,

генераламъ и адмираламъ. Прививалось убѣжденіе, что лучше покончить насильственнымъ образомъ съ неприятнымъ конкурентомъ, прежде чѣмъ онъ станетъ слишкомъ могущественнымъ. Въ Англии вспоминали славное прошлое военнаго флота и спрашивали себя, почему теперь не поступаютъ съ германскимъ флотомъ по такому же рецепту, какъ въ разныя времена съ французскими, испанскими, голландскими и датскими морскими силами. При этомъ аргументировали слѣдующимъ образомъ. Германскій флотъ теперь настолько силенъ, что для борьбы съ нимъ необходимо присутствіе въ водахъ Великобританіи почти всѣхъ англійскихъ линейныхъ кораблей. Превосходство англійскаго флота должно быть въ нихъ настолько значительно, чтобы даже частичное пораженіе англійскаго флота стало невозможно. Для міровой Британской имперіи, которая при своей огромной площади основана больше на престижѣ и привычкѣ, чѣмъ на матеріальной силѣ, даже частичное пораженіе англійскаго флота могло бы имѣть весьма серьезныя послѣдствія. Англии могло бы понадобиться усиленіе ея отдаленныхъ морскихъ станцій; напримѣръ, въ Восточной Азіи могло бы оказаться нужнымъ усилить защиту интересовъ Англии, которые тамъ такъ велики, въ Индіи могли бы возникнуть безпорядки, принадлежащая Англии часть мусульманскаго міра—64 милліона мусульманъ являются непосредственными, а 12 милліоновъ (въ Египтѣ, Суданѣ и т. д.) черезъ посредство своихъ номинальныхъ правителей англійскими подданными—могла бы быть охвачена волненіемъ. Со всѣми этими опасностями Англія въ состояніи бороться, главнымъ образомъ, при помощи своего флота, и если онъ не въ состояніи обезпечить ей въ любой моментъ вполне безопасный транспортъ войска или военныхъ припасовъ изъ метрополіи, если Англія не будетъ имѣть возможности послать въ любой моментъ въ американскія, индійскія или китайскія воды внушительную эскадру—*rule Britannia, rule the waves* теряетъ всякое значеніе. Къ этимъ заботамъ о судьбѣ колоній, о міровомъ положеніи Британіи присоединяется еще и опасеніе за судьбу метрополіи. Только безусловное превосходство *home fleet*, двойное или тройное, можетъ служить противъ такой первоклассной военной державы, какъ Германія, защитой для народа, который не желаетъ ввести у себя всеобщей воинской повинности и содержать только армію наемниковъ, которая является въ сущности только резервомъ для находящихся въ колоніяхъ гарнизоновъ, большей частью весьма незначительныхъ. Такъ, напримѣръ, въ Индіи съ ея населеніемъ въ 316 милліоновъ стоятъ всего 75 тысячъ англійскихъ войскъ, кромѣ 170 тысячъ туземныхъ войскъ, имѣющихъ второстепенное значеніе. 6 тысячъ англійскихъ солдатъ, находящихся въ Египтѣ, равно 7-тысячный гарнизонъ Мальты и 4.000 человекъ въ Гибралтарѣ не могутъ ничего сдѣлать безъ сильной сред-

земной эскадры. Въ случаѣ же, если большинство отечественныхъ англійскихъ войскъ будутъ заняты вдали отъ метрополи, охрана береговъ Англи должна была быть поручена, главнымъ образомъ, милиции.

Эти соображенія—продолжаетъ тотъ же авторъ—вызываютъ стремленіе Англи сблизиться съ великими державами на континентѣ, которое выразилось въ соглашеніи съ Франціей и Россіей. Однако, несмотря на это соглашеніе, несмотря на то, что Португалія, Испанія и Италія включены въ сферу ея вліянія и что флотъ ея значительно превосходитъ германскій, Великобританія чувствуетъ себя настолько стѣсненной Германіей, что она повсюду за океаномъ должна дѣлать ей уступки, къ великому неудовольствію народныхъ массъ отказываться отъ одной, принадлежавшей ей по традиціи, позиціи за другой. Англичане ставятъ это въ вину германцамъ, которые постоянно продолжаютъ вооружаться. Англія достаточно богата для того, чтобы отвѣчать на каждое новое германское военное судно соотвѣтствующимъ усиленіемъ своего флота, но остается еще доказать, хватитъ ли у нея достаточно человѣческаго матеріала, получаемого къ тому же ею только за плату, чтобы комплектовать экипажи своего флота въ такой же мѣрѣ, въ какой это можетъ дѣлать Германія съ ея всеобщей воинской повинностью, съ населеніемъ, на треть превышающимъ населеніе Англи. Англія знаетъ, что содержаніе огромнаго флота стоитъ недешево и поэтому спрашиваетъ себя, почему Германія, которая въ финансовомъ отношеніи гораздо слабѣе, чѣмъ Англія, такъ охотно беретъ на себя это бремя. Такъ какъ энтузіастовъ, охотно платящихъ налоги, никогда не существовало, морскія вооруженія Германіи объясняются ея агрессивнымъ замысломъ—сдѣлать себя, по крайней мѣрѣ относительно, болѣе сильной, чѣмъ Англія, которой придется разбрасывать свои силы по всему міру. Поэтому въ Англи распространяется убѣжденіе, что лучше во-время предупредить опасность, чѣмъ дать Германіи усилиться окончательно и нанести ударъ Англи тогда, когда сочтетъ моментъ подходящимъ.

Многіе германскіе писатели склонны отрицать, что англо-германскому антагонизму присущъ исключительно экономическій характеръ. Причины, вызывающія вражду Англи и Германіи, заключаются, по мнѣнію этихъ писателей, не только въ томъ, что Германія успѣшно стала конкурировать съ Англійей на такихъ рынкахъ, гдѣ еще въ недавнее время англичане господствовали безраздѣльно. Наряду съ этимъ чисто экономическимъ соперничествомъ дѣйствуютъ еще и другіе мотивы политическо-психологическаго характера. Соединенные Штаты, напримѣръ, являются для Англи не менѣе опаснымъ конкурентомъ, чѣмъ Герма-

нія, и тѣмъ не менѣе англійское общество не питаетъ къ нимъ такихъ недружелюбныхъ чувствъ, какъ къ Германіи. О соотношеніи экономическихъ силъ этихъ трехъ государствъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ внѣшней торговли: въ 1909 году въ Германіи ввозъ и вывозъ составлялъ, безъ включенія благородныхъ металловъ, приблизительно 15 миллиардовъ марокъ, въ Соединенныхъ Штатахъ 13³/₄ миллиарда марокъ, въ Англіи же 18,6 миллиарда марокъ. Очевидно, что соперничество Соединенныхъ Штатовъ для Англіи не менѣе опасно, чѣмъ конкуренція Германіи, а между тѣмъ, говоритъ Рорбахъ ¹⁾, „нѣтъ народа на свѣтѣ, за которымъ англичане ухаживали бы въ такой степени, какъ за великой „daughter nation“ за океаномъ, хотя тамъ никто и не думаетъ о томъ, чтобы въ такомъ же деликатномъ тонѣ разговаривать съ Англіей. Какія бы дерзости и грубости ни раздавались въ Америкѣ въ печати или на собраніяхъ по адресу Англіи и англійскихъ интересовъ, ни одна сколько-нибудь значительная англійская газета не рѣшится на то, чтобы отплатить той же монетой“. Это различіе въ отношеніи Англіи къ двумъ во всякомъ случаѣ одинаково опаснымъ конкурентамъ объясняется тѣмъ, что между Англіей и Германіей происходитъ не только экономическая борьба, но также и борьба за политическое преобладаніе англо-саксонской расы. „Англичане,—пишетъ Рорбахъ въ другой части своей книги ²⁾,—съ какой-то силой стихійной неизбежности постепенно приучились на основаніи длиннаго ряда грандіозныхъ политическихъ и цивилизаторскихъ усилій отождествлять дѣло развитія человѣчества и мірового прогресса съ дѣломъ ихъ національности“. Такая же психологія выработалась,—продолжаетъ онъ,—также и у русскихъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи славянско-азиатской части человѣчества. Въ Германіи привыкли возмущаться или прониживать надъ такими претензіями англичанъ и русскихъ. Но,—говоритъ Рорбахъ,—такое отношеніе свидѣтельствуешь о недостаточномъ пониманіи психологическихъ основъ британскаго или русскаго національнаго самосознанія. „Когда народы пережили такое развитіе и такой безпримѣрный внѣшній ростъ, какъ русскіе съ начала XVIII вѣка, а англичане со второй половины того же вѣка, когда въ теченіе этого періода каждый изъ этихъ двухъ народовъ, исходя изъ очень незначительныхъ размѣровъ, подчинилъ себѣ ¹/₅ населенной части земного шара и въ двадцать разъ увеличилъ свою численность и число своихъ подданныхъ, то вполне естественно, что, въ силу глубоко укоренившихся въ народахъ психологическихъ зако-

¹⁾ Paul Rohrbach. „Deutschland unter den Weltvölkern“. Berlin. Schöneberg, 1911, стр. 209.

²⁾ Стр. 170.

новъ развитія, въ сознаниі такихъ націй собственныя дѣла извѣстнымъ образомъ отождествляются съ дѣлами общечеловѣческими. У такихъ народовъ постепенно развивается вѣра, своеобразнымъ образомъ сотканная изъ наивности и сознательной работы мысли, питающейся вѣковымъ опытомъ, что они призваны къ полной или частичной гегемоніи надъ міромъ. Такимъ образомъ объясняется представленіе, столь глубоко укоренившееся особенно у англичанъ, что британецъ долженъ только бороться за свои интересы и за интересы своего народа, чтобы оказать человѣчеству и культурѣ наилучшую услугу, которая имъ вообще можетъ быть оказана¹⁾.

Такимъ образомъ, недружелюбныя чувства въ отношеніи Германіи вытекаютъ не только изъ того, что она наноситъ ущербъ английской торговлѣ, что, какъ писалъ журналъ *Saturday Review* въ сентябрѣ 1907 года, „если-бъ Германія завтра была уничтожена, на слѣдующій послѣ ея гибели день не было бы ни одного англичанина, благосостояніе котораго отъ этого не увеличилось бы“²⁾. Къ экономической борьбѣ присоединяется еще и то, что англичанамъ трудно мириться съ возможностью утраты этого исключительнаго положенія на земномъ шарѣ, вслѣдствіе политическаго и экономическаго роста Германіи. Къ Соединеннымъ Штатамъ Англія относится, при всей интенсивности торговаго съ ними соперничества, все же, какъ къ англо-саксонскому государству, чрезвычайно близкому по духу и культурѣ. „Оба государства, — говоритъ проф. О. Гинце въ очеркѣ о британскомъ империализмѣ³⁾, — объединяются идеей англо-саксонскаго единства, общностью языка, религіи, государственныхъ учреждений и жизненныхъ привычекъ... Если бы, въ концѣ-концовъ, оказалось, что американское соперничество въ торговлѣ и политикѣ одержало верхъ, Британія все-таки будетъ еще утѣшаться тѣмъ, что англо-саксонская культура все же будетъ господствовать надъ міромъ, хотя бы въ лицѣ другого представителя; въ отдаленномъ будущемъ представляется даже возможнымъ, если Англія понизитъ извѣстнымъ образомъ свои требованія, союзъ обоихъ родственныхъ государствъ, которымъ въ настоящее время мѣшаетъ острая конкуренція“.

Экономическіе вопросы, о которыхъ говорятъ по поводу англо-германскаго антагонизма, — говоритъ Гинце, — имѣютъ лишь производное значеніе. Въ сущности борьба происходитъ изъ-за нежеланія англичанъ отказаться отъ своего положенія въ системѣ мировой политики. „Въ душѣ англичанина, — пишетъ Гинце, почти буквально тѣми же словами, что и

1) Стр. 171.

2) Цитируемъ по Порбаху: „Der Deutsche Gedanke in der Welt“, стр. 184.

3) О. Hintze. „Der Britische Imperialismus“ въ *Zeitschrift für Politik*, 1908, стр. 302, 303.

Рорбахъ,—глубоко коренится въѣра въ мировую миссію англійской расы и культуры; въ расширеніи британскаго господства онъ видитъ волю Провидѣнія и благо народовъ, залогъ свободы, справедливости и благосостоянія въ мірѣ“¹⁾). Поэтому,—продолжаетъ онъ,—Англія должна именно на Германію смотрѣть, какъ на самую неудобную для себя соперницу. Всѣ другія европейскія государства для нея сейчасъ не представляютъ большой опасности. „Со стороны Франціи съ ея стационарнымъ населеніемъ Англіи не приходится опасаться большаго промышленнаго и колониальнаго расширенія. Россія должна еще пройти черезъ продолжительный и тяжелый кризисъ, прежде чѣмъ она снова станетъ великой силой и соперницей въ Азіи. Германія же съ ея растущимъ населеніемъ, развивающимися промышленностью и мореходствомъ, военной организаціей, колониальной и морской политикой, можетъ, думаютъ въ Англіи, въ будущемъ стать препятствіемъ на пути къ стремленіямъ Англіи къ мировому господству“.

Страхъ передъ Германіей тѣмъ болѣе великъ въ Англіи, что сохраненіе Британской имперіи въ ея нынѣшнемъ видѣ—дѣло, отнюдь не легкое. „Ни одна изъ англійскихъ колоній не въ состояніи долгое время бороться собственными силами противъ вторженія регулярныхъ европейскихъ войскъ. Англо-индійская имперія рухнула бы, по всей вѣроятности, въ случаѣ появленія хотя бы одного русскаго корпуса на Индѣ, если ее не будутъ защищать европейскіе ресурсы Англіи. Въ южной Африкѣ высадка европейскихъ войскъ могла бы снова вызвать антагонизмъ между англійскимъ и голландскимъ элементами до такой степени, что нельзя было бы больше и думать о сохраненіи превосходства англичанъ. Австралія погибнетъ, если будутъ заняты прибрежные три или четыре города, въ которыхъ живетъ треть населенія всего материка, и будетъ проведена блокада побережья. До нѣкоторой степени защищаться собственными силами можетъ только Канада, но и въ ней главная масса населенія сосредоточена на территориально не очень обширной области, вполне доступной для европейскаго веденія войны. Ни одна изъ значительныхъ колоній Англіи не располагаетъ войсками, которыя были бы эквивалентны европейской регулярной арміи. Вся тяжесть защиты мировой имперіи лежитъ поэтому на богатствѣ ея европейской метрополи“²⁾).

Отсюда у Англіи въ послѣднее время и такое сильное проявленіе стремленія сдѣлать связь между колоніями и метрополіей какъ можно

¹⁾ Ср. очень любопытную съ этой точки зрѣнія характеристику Сесіля Родса, какъ политика, у Schulze-Gaevernitz въ его книгѣ „Britischer Imperialismus und englischer Freihandel“, Leipzig, 1906, стр. 135—159.

²⁾ P. Rohrbach. „Deutschland unter den Weltvölkern“, стр. 175.

болѣе тѣсной и въ то же время привести въ непосредственную связь нѣкоторыя колоніи, раздѣленные до сихъ поръ большими пространствами. „Величайшей задачей политики Англии со вступленія на престолъ Эдуарда VII стало установленіе связи между Египтомъ и Индіей. Для этого Англии необходимо господство надъ Аравіей, южной Персіей, нижнимъ теченіемъ Евфрата и Тигра, — турецкимъ багдадскимъ вилайетомъ. Черезъ всѣ акты англійской политики послѣ окончанія войны съ бурами руководящей нитью проходитъ идея, грандіозный планъ, создать замкнутое британское государство, которое простиралось бы отъ Нила, восточнаго Судана и озера Викторія-Ніанза до Малаккского пролива и вмѣстѣ съ южной Африкой и Австраліей превратило бы Индійскій океанъ во внутреннее англійское море“ ¹⁾.

Поэтому и понятно, что интересы Англии и Германіи рѣзче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, столкнулись на Ближнемъ и Среднемъ Востока, — до такой степени рѣзко, что можно безъ преувеличенія утверждать, что вопросъ о преобладаніи въ Турціи является одной изъ главныхъ причинъ нынѣшней міровой войны. На Балканскій полуостровъ и Азиатскую Турцію германско-австрійскій міръ обратилъ въ послѣднее время свое особое вниманіе. Багдадская желѣзная дорога должна была подчинить Малую Азію и всю Азиатскую Турцію экономическому и, въ то же время, и политическому вліянію Германіи. Но въ то же время Багдадская область, — древній Вавилонъ, — нужна была и Англии для того, чтобы образовать непрерывную цѣпь англійскихъ владѣній вокругъ Индійскаго океана. Тутъ оба государства сталкивались. Такъ, на примѣръ, Рорбахъ, въ результатѣ своего изученія области Багдадской дороги, настойчиво совѣтовалъ германскимъ капиталистамъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, приступить въ заброшенномъ теперь Багдадскомъ вилайетѣ къ восстановленію древней сѣти каналовъ, когда-то дѣлавшихъ Халдею богатой и плодородной страной. И то же самое еще раньше говорилъ своимъ соотечественникамъ-англичанамъ Вилькоксъ, бывшій завѣдующій оросительными работами въ Египтѣ, въ докладѣ, читанномъ въ географическомъ обществѣ въ Каирѣ въ 1903 г. Обращая вниманіе англійскихъ капиталистовъ на выгоду этой задачи, — по его расчетамъ, необходимый для восстановленія этихъ каналовъ капиталъ въ 15—20 милліоновъ фунтовъ долженъ былъ въ послѣдствіи приносить ежегодно 25% прибыли, — Вилькоксъ ставилъ вопросъ: „долженъ ли каналъ быть ностроенъ британскимъ капиталомъ, простирающимся свои руки съ Персидскаго залива, или германскимъ, идущимъ съ запада. Будетъ ли это „каналомъ кайсара-и-Индъ“ (императора Индіи) или каналомъ „кайсара-и-Алманья“ (императора Германіи)?

¹⁾ Ibid., стр. 199.

Для того, чтобы понять английскую политику послѣднихъ лѣтъ,—говорить Рорбахъ,—надо имѣть въ виду Месопотамію, Египетъ и восточную Африку. „Германская часть восточной Африки является для англичанъ единственнымъ чужимъ клиномъ, врѣзавшимся въ грандіозную цѣпь владѣній Англии, простирающихся отъ мыса Доброй Надежды до египетскаго побережья Средиземнаго моря. Португальскія владѣнія восточной Африки теперь являются уже въ сущности только придаткомъ къ английскимъ и окажутся въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ и безъ особенно крупныхъ событій подъ английскимъ флагомъ. Абиссинія, принадлежащая Италіи страна Сомали, не представляющая никакой цѣнности, находятся въ сторонѣ и не нужны для осуществленія большой программы британской политики въ Африкѣ. Болѣе всего Англии нужны владѣнія Германіи въ восточной Африкѣ, и Англія не разъ давала понять, послѣ разговоровъ между Сесилемъ Родсомъ и императоромъ Вильгельмомъ II объ африканской политикѣ и о транс-африканскихъ желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ проектахъ, что она готова была бы заплатить хорошую цѣну за германскую восточную Африку. Еще большее значеніе имѣютъ планы Англии въ Багдадской области. Если уже теперь можно считать, что южная часть Персіи и Персидскій заливъ включены въ составъ Британской имперіи и Аравія также прочно подчинена английскому вліянію,—Багдадская область остается единственнымъ клиномъ, раздѣляющимъ египетско-африканскую и индійско-азиатскую части Британской міровой имперіи. Вполнѣ поэтому естественно, что въ моментъ вступленія на престолъ короля Эдуарда VII, когда империалистская политика Англии получаетъ новый импульсъ, въ различныхъ пунктахъ обнаруживается цѣль: превратить Индійскій океанъ и расположенныя вокругъ него части земного шара въ область владѣній Англии. Одновременно съ подготовленіемъ союза съ Японіей, имѣвшаго цѣлью настолько ослабить Россію, чтобы побудить ее отказаться отъ южной Персіи, лордъ Керзонъ, занимавшій съ 1899 по 1905 г. постъ вице-короля Индіи, провозглашаетъ программу супрематіи Англии на Среднемъ Востокѣ, а Вилькоксъ выступаетъ съ планомъ возсозданія британской культуры древняго Вавилона... За всѣмъ этимъ скрывается идея включить въ Британскую имперію всѣ страны, лежащія между Ниломъ и Индомъ“ ¹⁾.

Были моменты, когда могло казаться, что англо-германскій антагонизмъ не долженъ обязательно привести къ вооруженному столкновенію обоихъ государствъ, и что соглашеніе между ними возможно. Стоитъ лишь вспомнить о томъ, что какъ разъ на рубежѣ прошлаго и теку-

¹⁾ Rohrbach: „Der deutsche Gedanke in der Welt“, стр. 163—65.

шаго столѣтій Чемберленъ думалъ даже о союзѣ съ Германей и что именно тогда былъ заключенъ между Германей и Англiей тайный договоръ о полюбовномъ раздѣлѣ португальскихъ колонiй. Въ дѣйствительности суждено было иначе. Слишкомъ велики были требованiя обѣихъ имперiй для того, чтобы можно было мирнымъ путемъ разрѣшить противорѣчiя между ихъ интересами.

Теперь, когда война началась уже, часто приходится слышать вопросъ, на чьей странѣ справедливость въ англо-германскомъ спорѣ. Въ политикѣ это вопросъ довольно праздный. Но если уже давать на него отвѣтъ, то приходится сказать, что Англiя и Германiя борются изъ-за того, что еще не принадлежатъ ни той ни другой державѣ.

И. О. Левинъ.

Братство и свобода ¹⁾.

Пятнадцать ступеней вели изъ двора храма іерусалимскаго во Святилище. Когда народъ толпой собирался на дворъ, на жертву вечернюю, священники, съ закатомъ солнца, шли по этимъ ступенямъ къ алтарю кадилному, останавливались на каждой ступени и пѣли особую, назначенную на сей предметъ, пѣснь. Предъ тѣмъ, какъ пропѣть на послѣдней и высшей ступени пѣснь входную: „Теперь благословите Господа всѣ рабы Господни, стоящіе во храмѣ Господнемъ, во дворахъ дома Бога нашего. По ночамъ подымайте руки ваши къ Святилищу и благословляйте Господа...“,—передъ тѣмъ, какъ пропѣть эту пѣснь благодарности, мольбы и хвалы, священники пѣли предпоследнюю пѣснь, псаломъ мира и братства: „Въ чемъ добро и въ чемъ красота, какъ не въ томъ, чтобъ братья жили вмѣстѣ“... И авторъ псалма сравниваетъ братство съ елеемъ помазанія на головѣ Аарона, благодатно стекающимъ на сѣдую бороду первосвященника, на края его святительской одежды, сравниваетъ братство съ росой Ермонскихъ горъ, падающей на раскаленные скалы Сіона. „Въ чемъ добро и въ чемъ красота, какъ не въ томъ, чтобъ братья жили вмѣстѣ“... Прежде чѣмъ приступить къ великому духовному дѣланію, къ общенародной молитвѣ, хоръ священниковъ указываетъ на братство, какъ на необходимое условіе всякаго духовнаго дѣланія. Вотъ почему я хочу начать наше сегодняшнее засѣданіе, первое публичное собраніе нашего общества въ эти многознаменательные дни, вѣковыми и освященными словами: „Въ чемъ добро и въ чемъ красота, какъ не въ томъ, чтобъ братья жили вмѣстѣ“.

Дѣйствительно, что какъ не величественное прославленіе братства видимъ мы теперь въ цѣломъ рядѣ народовъ Европы и у себя, на родинѣ? Отброшены партійныя распри, забыты, хоть на время, мелкіе, личные и экономическіе расчеты, съ давно небывалой силой проснулось

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Московскаго религіозно-философскаго общества памяти Вл. Соловьева 6 октября 1914 года.

национальное сознание, это братство по крови и духу. И, являясь первым условием всякаго духовнаго дѣланія, это священное братство даетъ намъ право на брань и надежду на побѣду.

Сплоченная внутренно этимъ братствомъ Россія братски несетъ свободу угнетеннымъ национальностямъ. Но какъ вообще можетъ быть дарована свобода какъ людямъ, такъ и народамъ? Какими путями можетъ быть осуществлено великое обѣщаніе ветхозавѣтнаго пророка: „измученные отпущены на свободу“?

Когда Божественный Учитель прощался съ учениками Своими, предъ тѣмъ какъ пострадать за міръ, Онъ, зная, что отъ Бога пришелъ и къ Богу идетъ, до конца полюбилъ ихъ: снялъ одежды Свои и началъ умывать ноги ученикамъ Своимъ. Такъ совершено было великое таинство отпущенія на свободу. Я уже не называю васъ рабами, а зову друзьями; я передалъ вамъ волю Отца, вы свободны: учитель и наставникъ, ежечасно руководившій вами, уходитъ, идите и совершите то, на что вы были призваны Мною. „Союзомъ любви связанные апостолы положились на Христа-Владыку, и прекрасными, умытыми ногами пошли проповѣдывать вселенной миръ“. Такъ поетъ объ этомъ евангельскомъ событіи Церковь.—Тяжелы были для нихъ первые шаги этой дарованной имъ свободы: они въ страхѣ разбѣжались, когда ихъ Учитель былъ схваченъ врагами, и одинъ изъ нихъ отрекся отъ Учителя. Но, собранные Духомъ, они вновь сомкнулись—и на этотъ разъ уже навсегда—въ братскій союзъ, и побѣдили міръ. Такъ данъ былъ урокъ братства и свободы, основанной на служеніи. Я умылъ вамъ ноги, говорилъ имъ Учитель, и вы умойте ноги людямъ и народамъ. Вы хотите властвовать надъ людьми и народами; властвуйте, но братствомъ съ ними и любовью къ нимъ. „Цари земные царствуютъ и владыки господствуютъ“, но прочно лишь то царство и господство, которое основано на братствѣ, любви и служеніи, и только оно несетъ людямъ и народамъ миръ и свободу.

Переживаемая нами міровая война имѣетъ одну многозначительную особенность: это—не война государствъ и ихъ правительствъ, а война національностей и культуръ. Но чѣмъ живы народы и чѣмъ растутъ и крѣпнуть культуры? Народы живутъ мыслью Бога о нихъ; эта творческая мысль въ религіяхъ именуется промысломъ Божиимъ, а народами осознается, какъ ихъ національная идея или задача. Культура же является выраженіемъ этой идеи или задачи. Мысль о народахъ Бога любви, основавшая всемірное братство, именуемое Церковью, можетъ быть только мыслью братства и любви, осуществляемыхъ въ свободѣ. Поэтому въ искусствѣ и философіи живетъ въ вѣкахъ, не умирая, лишь то, что носитъ на себѣ печать духовнаго дѣланія. Соборъ Парижской Богоматери и соборъ св. Петра въ Римѣ—родные братья

храмъ св. Софіи, разсѣянныхъ по лицу земли русской, и Спиноза, Локкъ, Юмъ, Контъ и Джонъ Стюартъ Милль, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель и Шопенгауэръ будутъ всегда, въ мѣру участія ихъ въ осуществленіи великой духовной вселенской задачи, учителями челоѣчества наравнѣ съ Платономъ, Платиномъ, Эригеной, Баадеромъ и Владиміромъ Соловьевымъ. „Въ домѣ Отца обителѣй много“, говорилъ Соловьевъ, повторяя слова Христа, „и всѣмъ хватить мѣста“. Вотъ почему въ нашей борьбѣ не на животь, а на смерть мы сражаемся не съ древней и достопочтенной культурой Германіи. Не съ Германіей Альбрехта Дюрера, Гольбейна и художниковъ, создавшихъ безсмертныя картины и скульптуры ея древнихъ соборовъ, не съ Германіей Лессинга, Гердера, Шиллера, Гёте и Новалиса, не съ Германіей Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и Шопенгауэра, этихъ учителей какъ русскихъ славянофиловъ, такъ и русскихъ западниковъ, не со всей этой великой культурой недавняго прошлаго боремся мы; и

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Ея развѣнчанную тѣнь!

По мы боремся и будемъ бороться до конца съ тѣмъ звѣринымъ ликомъ, который неожиданно и грозно глянулъ на насъ, когда скинута была Германіей маска культурнаго идеализма, за которую пятьдесятъ лѣтъ прятался онаглѣвшій милитаризмъ и пошло-буржуазный эгоизмъ и вандализмъ.

Съ этимъ звѣринымъ ликомъ борется теперь, обливаясь кровью, наша родина, въ твердой надеждѣ на конечную побѣду праваго дѣла, дѣла братства и свободы. По великая духовная опасность грозитъ ей въ этой правой борьбѣ: опасность безсозпательнаго подмѣна ея собственнаго святаго лика. Подобно библейскому Павуходоносору, Вильгельмъ II бросаетъ вызовъ Богу правды и любви:

Jehovah! dir künd'ich auf ewig Hohn,
Ich bin der König von Babylon!
Ну что-жъ, Іегова, гдѣ твой алтарь?!
Я—Вавилона державный царь!

И кара Божія ждетъ дерзнувшаго бросить вызовъ Всевышнему. По могутъ быть и народы-Павуходоносоры. Горе народу, который на мѣсто возложенной на него свыше мисси, на мѣсто порученной ему священной задачи подставить свое я, который скажетъ: „Богъ—мой Богъ, забывая, что Богъ Израиля, Богъ Авраама, Исаака и Іакова, былъ и Богомъ карающаго Ассура, о которомъ Всевышній устами пророка сказалъ, что и „Ассуръ дѣло рукъ Моихъ“. Отъ мысли: мой Богъ одинъ

шагъ къ мысли: я *самъ* Богъ себѣ. Предостерегая свою родину отъ этого рокового уклона, Владиміръ Соловьевъ спрашивалъ ее, какимъ Востокомъ она хочетъ быть—Востокомъ Христа или Ксеркса; и о томъ же думалъ тревожно Хомяковъ, когда молился за Русь:

Не дай ей рабскаго смиренья,
Не дай ей гордости слѣпой,
И духъ мертвящій, духъ сомнѣнья,
Въ ней духомъ жизни успокой!

Не разъ уже въ нашей исторіи намъ приходилось испытывать тяжеля послѣдствія подобныхъ роковыхъ уклоновъ народнаго духа и печально повторять слова Писанія: „Отцы наши ѣли незрѣлый виноградъ, а у дѣтей—оскомина“!—Да не будетъ этого въ переживаемые нами великіе дни, и да идетъ Русь, поднявъ горѣ сердца, покорно, но и грозно, за вставшимъ среди насъ столпомъ любви—этою новозавѣтною *шехиною*—съ вѣрой въ правду Божию и смиренной надеждой на побѣду.

Два міровыхъ поэта, создавшихъ безсмертныя поэмы, воззвали въ первыхъ строкахъ своихъ вдохновенныхъ пѣсенъ не къ музѣ древняго и царственнаго Геликона, а къ иной высшей и священной музѣ. Авторъ „Пана Тадеуша“, Мицкевичъ, такъ начинаетъ свою трогательную повѣсть о страданіяхъ, радостяхъ и надеждахъ распятой родины:

Litwo, ojczyzno moja, ty jesteś jak zdrowie...

.....
Отчизна милая! Подобна ты здоровью:
Тотъ истинной къ тебѣ исполнится любовью,
Кто потерялъ тебя... Въ страданьяхъ и борьбѣ,
Отчизна милая, я плачу по тебѣ!

Мать Остробрамская, ты бодрствуешь надъ Вильной
Своей защитой, щедротами обильной!
Мать Ченстоховская, на Ясной на Горѣ:
Какъ умирающій лежалъ я на одрѣ,
Устами жаркими хвалу тебѣ читая—
И ты спасла меня, заступница святая:
Такъ благостынею божественныхъ щедротъ
Спасешь когда-нибудь отверженный народъ ¹⁾.

И авторъ „Освобожденнаго Іерусалима“, Торквато Тассо, прежде чѣмъ воспѣтъ освобожденіе Гроба Господня, призываетъ:

O Musa, tu che di caduchi allori
Non circondi la fronte nell' Elicono,

¹⁾ Переводъ Н. Берга.

Ma tu, nel ciel, fra i beati cori,
Nai di stelle immortali aurea corona!
О Муза, не вѣнцами Геликона,
Не вянущимъ убранствомъ лавровъ тлѣнныхъ,
Но звѣздной славой горняго Сіона
Вѣчная среди хора душъ блаженныхъ! 1)

Да будетъ же чистый покровъ этой державной Музы надъ всѣми нами въ эти тревожные и тоскливые дни; и, если Богъ судилъ намъ побѣдить, пусть эта побѣда будетъ, по слову апостола, „побѣдой, побѣдившей міръ,—вѣрой нашей“.

Григорій Рачинскій.

---

1) Переводъ Вячеслава Иванова.

Война и мировая задача Россіи. ¹⁾

I.

Двѣ черты въ особенности ярко характеризуютъ наше общественное настроеніе, сложившееся вокругъ настоящей войны,—слабый интересъ къ возможнымъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ и повышенный интересъ къ освободительной миссии Россіи—къ задачѣ политическаго возрожденія другихъ народностей. Воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго о возстановленіи единой, свободной въ своемъ самоуправленіи Польши вызвало взрывъ всеобщаго энтузіазма. Между тѣмъ, къ вопросу о присоединеніи Галиціи къ русскимъ владѣніямъ русское общество отнеслось довольно равнодушно: всякій понимаетъ, что, какъ бы ни было желательно присоединеніе къ намъ Червонной Руси, война ведется не изъ-за этого: сохраненіе Сербіи и возрожденіе Польши для нашего національнаго чувства—задачи болѣе важныя.

Не со вчерашняго дня сложилось у насъ такое отношеніе къ нашей освободительной задачѣ. Совершенно такъ же и въ прошлую русско-турецкую войну общественное вниманіе было всецѣло поглощено одной мыслью—объ освобожденіи славянскихъ народовъ изъ-подъ турецкаго ига; о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ тогда, какъ и теперь, никто не думалъ: хотя они и были сдѣланы, они не вошли въ народное самосознаніе, и самая память о нихъ едва сохранилась; во всякомъ случаѣ, народныя массы о нихъ не помнятъ. Между тѣмъ, объ освободительныхъ дѣлахъ войны до сихъ поръ поетъ солдатская пѣсня:

Греми, слава, трубой,
Мы дрались, турокъ, съ тобой,
По горамъ твоимъ Балканъ
Мы дрались за славянь.

Эта черта нашего національнаго самосознанія часто истолковывается, какъ доказательство нашей мечтательности, политической незрѣлости и беспочвеннаго идеализма. Между тѣмъ, какъ разъ наоборотъ, именно

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Московскаго религіозно-философскаго общества памяти Вл. Соловьева 6 октября 1914 года.

въ ней сказывается здравый политическій смыслъ и правильное понимание нашего жизненнаго интереса. Освобожденіе другихъ народовъ и борьба за слабыхъ противъ сильныхъ не есть только дѣло нашего политическаго безкорыстія: оно необходимо и для спасенія самой Россіи.

Обладая огромной территоріей, Россія не заинтересована въ ея увеличеніи: политика захватовъ можетъ причинить намъ не пользу, а только вредъ: намъ нужно сохранить, а не умножить наши владѣнія. Но именно это стремленіе къ сохраненію достоянія отцовъ, этотъ территоріальный консерватизмъ, который диктуется Россіи ея жизненными интересами, дѣлаетъ ее естественной защитницей и покровительницей слабыхъ и угнетенныхъ народностей—всѣхъ тѣхъ, кто поглощенъ и кому грозитъ порабощеніе и поглощеніе.

Въ международной политикѣ Россія заинтересована прежде всего въ томъ, „чтобы большія рыбы не пожирали малыхъ рыбъ“,—чтобы большіе народы не возрастали и не усиливались за счетъ малыхъ. Освобожденіе Сербіи, Черногоріи, Арменіи, а при случаѣ и Чехіи, защита независимости Бельгіи, возрожденіе Польши—все это диктуется намъ не одними человѣколюбивыми чувствами, но также и насущными нашими національными интересами. Ибо всѣ эти малые народы, не могущіе угрожать цѣлости и независимости великой Россіи, нуждаются въ ея содѣйствіи, а потому являются ея естественными союзниками противъ народа-завоевателя и хищника, который въ одинаковой мѣрѣ угрожаетъ какъ имъ, такъ и ей. Что поглощеніе маленькой Сербіи представляетъ собою угрозу цѣлости Россіи,—это у насъ всѣми инстинктивно чувствуется; отъ этого и австрійскій ультиматумъ Сербіи послужилъ поводомъ къ началу австро-русской войны. Но такая же солидарность интересовъ связываетъ насъ вообще съ малыми народами Европы. Существованіе независимой Сербіи, Черногоріи, Бельгіи и Даниі—все это для насъ гораздо цѣннѣе, чѣмъ территоріальныя приобрѣтенія. Защита слабыхъ и воскрешеніе малыхъ народовъ, поглощенныхъ сильными,—такова историческая задача, волею судебъ навязанная Россіи.

Освободительная миссія Россіи имѣетъ уже вѣковую историческую давность: ради нея велись наши балканскія войны прошлаго столѣтія; но никогда такъ рѣзко, какъ теперь, не обозначался ея универсальный, общенародный характеръ; мы боремся за освобожденіе *всѣхъ народовъ вообще*, всѣхъ тѣхъ, кому угрожаетъ поглощеніе и угнетеніе, безъ различія племенъ и вѣроисповѣданія. Мы сражаемся за *права національностей вообще*, за самый *національный принципъ* въ политикѣ въ полномъ его объемѣ.

Отсюда—полная непригодность старыхъ славянофильскихъ формулъ для осознанія нашей національной задачи—тѣхъ лозунговъ, которые выражали собою задачи нашихъ прѣднѣхъ русско-турецкихъ войнъ.